«ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКА В. ВЕРЕЩАГИНА»

Статья и публикация И. С. Зильберштейна

ТУРГЕНЕВ И ХУДОЖНИК В. В. ВЕРЕЩАГИН

(ПО НОВОНАЙДЕННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Изобразительное искусство занимало значительное место в духовной жизни Ивана Сергеевича Тургенева. Быть может, ни один русский писатель не проявлял к живописи и скульптуре столько интереса, не уделял им, начиная с молодых лет и до конца дней своих, столько внимания, как Тургенев.

Сам хороший рисовальщик и карикатурист, превосходный знаток истории мирового изобразительного искусства, коллекционер картин, он живо интересовался и работами современных русских художников. Но ни о ком из тех, кто составлял гордость тогдашней русской школы живописи, Тургенев не писал с такой теплотой, никого не ценилитак высоко, как Василия Васильевича Верещагина. И все же до сих пор не только не существует статьи, разыскания или хотя бы сообщения, посвященных теме «Тургенев и Верещагин», но даже в солидных исследованиях о художнике мы ничего или почти ничего не найдем об отношении к его творчеству великого писателя, об их дружбе.

А ведь Тургенев видел в Верещагине не только большого мастера, вписавшего яркую страницу в историю изобразительного искусства родной страны, но и беспощадного обличителя захватнических войн. Высокая оценка Верещагина Тургеневым интересна еще и потому, что взгляды писателя на современную русскую живопись нередко были ошибочными. Так, порой, он проявлял излишнее пристрастие к тем русским художникам, которые, постоянно живя за границей и будучи лишены творческого своеобразия, подражали далеко не лучшим образцам модной зарубежной живописи, а подлинно самобытных отечественных мастеров писатель в полной мере не оценил. Но в своем отношении к Верещагину он был глубоко прав. К тому же Тургенев оказал большое содействие в организации двух верещагинских выставок в Париже, а также в том, чтобы эти выставки получили признание. В конце 1879 г. Тургенев даже решил, как сообщали в печати иностранные журналисты, очевидно, с его слов, написать книгу о Верещагине. К сожалению, то были уже последние годы жизни писателя.

Задача нашей работы — осветить отношения Тургенева и художника В. В. Верещагина. Для этого необходимо было выявить все существующие документальные материалы,— подавляющая их часть оставалась неизвестной и в исследовательской литературе никак не отмеченной. В частности, нам удалось найти выступление Тургенева во французской печати о Верещагине, до сих пор остававшееся оттуда не извлеченным.

Ι

В марте — апреле 1874 г., находясь в Париже, И. Е. Репин работал над портретом Тургенева. Сеансы происходили на квартире писателя, на rue de Douai, с 10 до 12 часов утра. Поджидая Тургенева утром 26 марта/7 апреля, художник ознакомился с содержанием очередного номера «С.-Петербургских ведомостей»— Тургенев сотруд-

ничал в этой газете и получал ее регулярно. На следующий день Репин писал В. В. Стасову: «...статью вашу о Верещагине я прочел, накануне вами присланной — у Тургенева: я пишу с него портрет, по заказу Третьякова; и пока мой барин одевался, я взял на столе новый № "Петербургских ведомостей "и вдруг! о радость, Владимир Стасов о Верещагине; я ее мигом и проглотил, а на другой день утром получил вашу в письме и только тогда прочел письмо Крамского, которое у Тургенева я пропустил или не успел. Чудесно, хорошо, и что мне нравится, это то, что теперь в ваших статьях, как и всегда, без мелочей, без добросовестного перечня всего — главное, и потому все это полно экстаза, жизни и убеждения, потому-то оно и действует; это не фраза, что вам сказала барыня, встретившая вас на академической лестнице. Письмо И. Н. Крамского тоже дельная заметка обществу (есть ли оно у нас?!!). Хотя несколько тяжело от сжатости; но что за дело до формы там, где важно содержание» 1.

Статья Стасова «Выставка картин Верещагина», появившаяся 19 марта в «С.-Петер-бургских ведомостях», была посвящена выставке произведений художника, впервые организованной на родине и имевшей большой успех; на выставке было показано свыше 240 картин, этюдов и рисунков из туркестанской серии. Стасов весьма положительно отозвался об этой выставке и высоко оценил многогранный талант художника ². В конце статьи он привел отрывок из письма к нему Крамского, где были такие строки: «Не могу говорить хладнокровно о Верещагине. По моему мнению, его выставка — событие. Это завоевание России гораздо большее, чем завоевание территориальное».

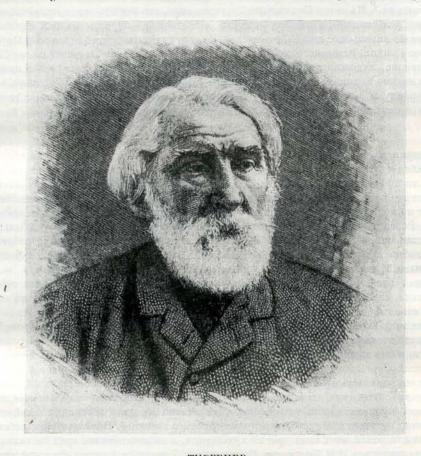
Во время портретного сеанса в тот день, 26 марта, когда Репин ознакомился со статьей Стасова, беседа с Тургеневым, прочитавшим, конечно, и статью и строки Крамского, не могла не коснуться Верещагина. Писатель не видел его произведений, поэтому своего мнения о художнике не имел. И хотя к стасовским оценкам в области живописи Тургенев относился, порой, критически, его внимание безусловно должно было привлечь то, что говорилось в статье о картине «Апофеоз войны». Об этом шедевре Верещагина Стасов сообщал, что на раме картины, по указанию художника, выпуклыми золотыми буквами сделана надпись: «Апофеоза войны. Посвящается всем прошедшим, настоящим и будущим великим завоевателям». Верещагин с присущей ему прямотой говорил Стасову о своем произведении, что это «столько же историческая картина, сколько сатира, сатира злая и нелицеприятная»³. В статье Стасов нашел яркие слова, чтобы охарактеризовать картину Верещагина: «У нашего художника всего громче звучит нота негодования и протеста против варварства, бессердечия и холодного зверства, где бы и кем бы эти качества ни пускались в ход, и мне показалась одною из значительнейших картин всей выставки картина г. Верещагина (...), где среди пожженной степи, между тощих, спаленных деревец и каркающих ворон, воздымался холм из черепов, исполосованных сабельными ударами и дырами от пуль...». Заключал эти мысли Стасов так: «Пускай ученые педанты проповедуют с кафедры черствую проповедь об "искусстве для искусства"; мы все, публика, никогда не перестанем думать, что только те произведения искусства и достойны жизни и симпатии потомства, куда вложено умелою художественною рукой что-то в самом деле правдивое и глубокое».

Эти взволнованные рассуждения Стасова могли заставить Тургенева задуматься о живописце, который в своих полотнах решился бросить вызов всем тем, кто огнем и мечом разорял и истреблял народы, насаждал власть деспотизма. С мнениями Крамского, тонкого художественного критика, писатель считался,— и это тоже могло возбудить в нем интерес к верещагинским творениям. И, наконец, Репин, собеседник Тургенева в весенние дни 1874 г., был такого мнения о Верещагине: «Художник он дельный и самобытный» Можно предположить, что эти мнения— Стасова, Крамского и Репина— запомнились Тургеневу.

Репин мог рассказать Тургеневу и о полученном им несколько дней спустя письме Стасова, в котором сообщалось о скандальном происшествии в Петербурге в связи с выставкой Верещагина. Несколько генералов — участников военных действий в Туркестане в 1869—1870 гг. — выступили против художника, обвиняя его в антипатриотизме, в клевете на русскую армию; сюжеты его картин они называли неправдоподобными. Несмотря на очевидную ложность этих обвинений, Верещагин был вынужден снять с выставки картины «Забытый», «Окружили, преследуют...» и «У кре-

постной стены. Вошли», и в минуты отчаяния даже сжег их. Репин отвечал Стасову 13/25 апреля 1874 г.: «... горюю по сожженным вещам»⁵. Если Тургенев узнал об этом от Репина, то, несомненно, разделил его возмущение травлей Верещагина.

-Читая петербургские журналы, Тургенев мог убедиться и в том, как восторженно отнесся к выставке картин Верещагина поэт Я. П. Полонский. Близкий приятель Тургенева, уделявший много времени занятиям живописью, Полонский был неплохим пейзажистом. Весной 1874 г. он поместил анонимно несколько прозаических фельето-

TYPIEHEB

Рисунок В. В. Верещагина

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится с репродукции в книге: В. В. В е р е щ а г и н. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883

нов во «Всемирной иллюстрации», в которых, в частности, писал и о верещагинской выставке. Считая, что «картины эти — достояние музея, русского национального музея», — Полонский утверждал: «это самая красноречивая летопись нашего похода в Хиву (...) Когда я смотрел на этих писанных солдатиков, я страдал за них, и радовался за их нравственную несокрушимую силу. — А помните труп, позабытый среди степи, добычу смерти и хищных птиц. Ведь эта картина так и говорит русскому сердцу: не позабудь этого позабытого, вспомни, что и его так же, как и тебя, мать родила, пеленала, грудью кормила, может быть, любовалась им, надеялась на него...».

И как бы отвечая на слова невидимого собеседника, который говорил: «Впечатление все-таки пренеприятное-с; особливо эта гора черепов с надписью "Апофеоз войны", какой же это апофеоз?», Полонский продолжал: «А вам бы хотелось, чтобы г. Верещагин изобразил вам летящую славу с длинной трубой — с лавровыми венками и

со всеми прочими атрибутами или изобретениями той фантазии, которан когда-то развратила Францию и в конце концов сделала ее добычей более стойких и смышленых завоевателей.— Нет-с, спасибо г. Верещагину, что на апофеоз войны он взглянул не с классической, не с средневековой, а с более современной, гуманной точки зрения.— Груды черепов и страдание — вот следы той славы, которой поклоняются и которой жаждут». В одном из следующих фельетонов, появившемся в том же журнале 6 апреля 1874 г., Полонский оповестил о том, что Верещагин снял с выставки три картины и уничтожил их ⁶. Из писем Полонского Тургенев знал, что именно поэт и является автором этих фельетонов ⁷. Поэтому Тургенев, естественно, обратил на них внимание.

В те же апрельские дни 1874 г. несколько картин Верещагина появилось в Париже в галерее Гупиля, известного торговца художественными произведениями на rue Chaptal (очевидно, художник передал их туда для продажи). Об этом идет речь в цитированном письме Репина к Стасову: «Вещи его (Верещагина) выставлены теперь у Гупиля; французы в восторге». Но Тургенев, по-видимому, не успел побывать в галерее Гупиля и осмотреть выставленные там работы Верещагина.

Π

Неприятности, связанные с выставкой в Петербурге, не ограничились тем, что Верещагин должен был снять три картины. Против него ополчилась и реакционная печать, которая писала в издевательском тоне о художнике, поносила сюжеты его картин. Все это привело к тому, что Верещагин решил уехать надолго из России. Как-то позднее по поводу подобных ситуаций он сказал: «Каждый раз, что я намеревался побыть в России подольше, случалось что-либо скверное, заставлявшее унижаться!.. "Батюшки мои,— подумал я,— да мыслимо ли путешествовать и свободно работать? Тут надобно только уметь отмалчиваться... "»8. Еще до закрытия выставки художник отправился 31 марта 1874 г. в далекий путь в Индию.

Через несколько месяцев в Петербурге началась еще более жестокая травля художника, ставшего объектом разнузданной клеветы. И Тургенев выразил по этому поводу свое глубокое возмущение. Вот как это произошло.

Уже тогда, когда Верещагин находился в Индии, он был избран профессором Академии художеств (в то время для живописца не существовало более высокого звания, оно было выше звания академика). Узнав об этом, Верещагин решил напечатать в одной из петербургских газет открытое письмо с отказом от почетного звания. Письмо Верещагина при содействии Стасова появилось 11 сентября 1874 г. в «Голосе». Содержание письма составляла одна фраза: «Известясь о том, что императорская Академия художеств произвела меня в профессора, я, считая все чины и отличия в искусстве безусловно вредными, начисто отказываюсь от этого звания» 9. Появление письма стало поводом для новой кампании против художника, а ее зачинателем стал бесталанный академик живописи Н.Л.Тютрюмов. Он выступил 27 сентября в газете «Русский мир» со статьей, в которой возмущался отказом Верещагина от звания профессора, заявляя, что у того существует интерес лишь к деньгам, и открыто обвинил художника в том, что туркестанская серия написана не им, а мюнхенскими живописцами. Против этой клеветы выступили многие прогрессивные деятели русской культуры. Уже через два дня (30 сентября) в «С.-Петербургских ведомостях» было напечатано письмо Стасова с требованием доказательств, а 5 октября в «Голосе» появилось заявление одиннадцати видных художников — Ге, Гуна, Забелло, Крамского, Мясоедова, Чистякова, Шишкина и др. Назвав статью Тютрюмова «возмутительной», они утверждали, что «Верещагин с честью может оставаться в семье русских художников». Выражая мнение деятелей русской культуры, живших тогда в Париже, Репин писал 14/26 октября Стасову: «Верещагиным мы ужасно заняты (все русское общество здесь), читаем все сообща, возмутительное дело! (...) А Тютрюмов струсил, начинает вилять. Хорош ваш второй запрос к нему (...) Если вам понадобятся документы по делу Верещагина и из Парижа, то вам напишут хорошо знавшие Верещагина: Боголюбов и Леман. Боголюбов возмущен ужасно» 10. В письме Репина говорится о втором выступлении Стасова против клеветника — 8 октября в «С.-Петербургских ведомостях». А вскоре —

25 октября — Стасов в третий раз выступил в той же газете против обвинений Тютрюмова. Находясь с Тургеневым в переписке, Стасов в эти дни отправил ему письмо с просьбой высказать мнение по этому поводу. Будучи в курсе кампании, поднятой Тютрюмовым против Верещагина, прочитав, очевидно, три выступления Стасова в защиту художника на страницах «С.-Петербургских ведомостей», Тургенев написал ему 13/25 ноября 1874 г. из Парижа: «Что сказать о г-не Тютрюмове? Сам, публично, ошельмовал себя человек. Вот, никто бы его имени не помнил, а теперь всякий раз, когда оно кому придетна память, непременно к нему присоединится восклицание: сукин сын! — или дурак! И, как подумаешь, что дураком будут величать г-на Тютрюмова люди добрые и снисходительные... Постарался о себе человек — нечего сказать!»¹¹

Характерно, что Тургенев высказал это мнение задолго до знакомства с Верещагиным и еще до того, как в печати появились окончательные доказательства полной необоснованности обвинений, с которыми Тютрюмов выступил лротив художника.

В Индии Верещагин провел около двух лет, совершил ряд инт реснейших путешествий по стране, создал десятки картин и сотни этюдов, составивших замечательную индийскую серию, одно из высших его творческих достижений. В конце марта 1876 г. он выехал из Индии и направился в Париж. Здесь Верещагин и решил обосноваться надолго. С этой целью он предпринял постройку большой мастерской, для чего приобрел участок земли в Maisons Laffitte, небольшом городке неподалеку от Парижа. Художник писал Стасову: «Разве я стал бы жить в Maisons Laffitte, если бы не видел абсолютной невозможности свободно работать дома? разве я дурак? разве я враг себе и своему таланту?» 12

Приехав в апреле 1876 г. в Париж, художник сперва жил в гостинице. Сюда Тургенев прислал письмо, в котором выразил желание познакомиться с Верещагиным. Вот что рассказывает об этом сам художник: «...в 1876 году мне случилось остановиться в Париже, в маленькой гостинице одного русского, В. Знал ли он Ивана Сергеевича или хотел тогда при удобном случае с ним познакомиться, только раз он спрашивает, знаком ли я'с Тургеневым?— По имени,— ответил я,— хотя давно уже знаю и высоко уважаю все его работы. Через несколько дней В.показывает письмо.— "Узнаете почерк?"— Нет, не узнаю.— "Это письмо Тургенева, он пишет, что будет рад познакомиться с вами, пойдемте к нему, когда хотите".— Я ответил, что не пойду вовсе, потому что не люблю напрашиваться на знакомства к известным лицам, и просил никогда более ни к кому не адресоваться моим именем» ¹³.

Сообщение это не вызывает сомнений. И вот почему. Получив предложение встретиться с Верещагиным, Тургенев, подготовленный отзывами Стасова и Крамского, разговорами с Репиным, был, конечно, заинтересован в таком знакомстве. К тому же Тургенев действительно находился в Париже в апреле 1876 г. (лишь 17/29 мая писатель' уехал из Парижа, направляясь в Россию). И, наконец, очень похоже на Верещагина, что он отказался знакомиться с Тургеневым, ведь у того, как мог предположить Верещагин, должно было создаться впечатление, что инициатором письма владельца гостиницы был сам художник. Для Верещагина, человека независимого, этамысль была невыносима,— недаром Репин, со слов людей близко знавших Верещагина, говорил о нем: «он гордый и не лицемер» 14.

Хотя знакомство не состоялось, личность Верещагина продолжала живо интересовать писателя. Своей поездкой на родину Тургенев решил воспользоваться, чтобы увидеть его работы. Для этого представилась неожиданная возможность. Выставка произведений Верещагина, которая экспонировалась весной 1874 г. в Петербурге, осенью того же года была переведена в Москву и на протяжении дальнейших лет демонстрировалась в Московском обществе любителей художеств. Такая необычная продолжительность выставки объяснялась следующим. П. М. Третьяков согласился приобрести туркестанскую серию целиком (это было условие Верещагина), уплатив за нее огромную по тем временам сумму—92 000 рублей. Но не располагая помещением, в котором можно было показать двести сорок полотен и рисунков, составлявших эту серию, Третьяков решил передать—ее в дар Московскому обществу любителей художеств, взяв с него обязательство не складывать картины в запасник, а постоянно экспонировать их, выстроив в течение трех лет соответствующее помещение 15.

На протяжении всего 1876 г. коллекция еще находилась в залах Общества любителей художеств, что мешало систематически устраивавшимся там выставкам.

Незадолго до приезда Тургенева в Москву в газетах все чаще стали появляться статьи, в которых высказывалось недовольство этим затянувщимся экспонированием туркестанской серии в помещении, предназначенном для периодических выставок. Так, сообщая в марте 1876 г. о том, что в одной из зал Московского общества любителей художеств показаны новые работы русских художников, журналист называет ее «залой новостей» и дальше пишет: «Так позволю я себе назвать единственную комнату на выставке, свободную от халатов г. Верещагина» 16. Еще более резко высказал свое мнение по этому поводу в те же мартовские дни 1876 г. другой журналист: «Взятая с боя, три года назад, г. Третьяковым и поднесенная в дар обществу любителей художеств верещагинская коллекция наделала, в свое время, немало шума. "Вот, говорили мы, — начало, краеугольный камень московской художественной галереи... ". И кто же мог поручиться, что это пожертвование не вызовет других; что, рядом с "верещагинскою ", не создадутся "айвазовская ", "перовская ", "бронниковская " галереи? Кончилось тем, что роскопный подарок задавил собою выставку, и в тех самых залах ее, где прежде мы считали новинки десятками, даже сотнями (на одной из "перемен" 1870 года было 126 новых картин), теперь... мы не видим и десяти, сплошь и рядом восторгаясь появлению трех, четырех новых картинок (...) Помещение выставки сде лалось, за наплывом верещагинской коллекции, слишком тесно: эта коллекция заняла собою из четырех три залы, так что, срам сказать, сошедшие с очереди картины мы раз вешиваем по стенам сеней, где посетители оставляют свои шубы и грязные калоши»¹⁷.

И все же в трех залах Общества любителей художеств туркестанская серия продолжала экспонироваться. Приехав 2/14 июня 1876 г. в Москву, Тургенев имел возможность осмотреть выставку работ Верещагина. И он нашел время для этого, хоты провел в Москве меньше четырех дней (6/18 июня он уже был в Спасском).

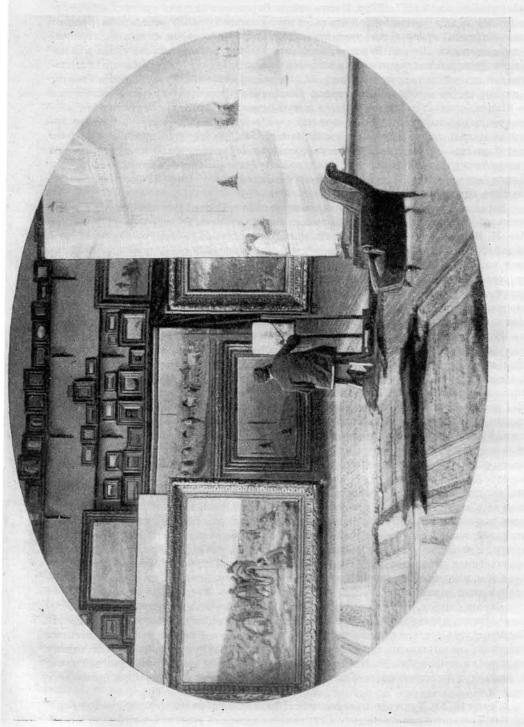
Выставка произвела на Тургенева большое впечатление. В письме, отправленном Третьякову сразу по прибытии в Спасское, он писал: «Я в этот проезд остался такое короткое время в Москве, что мне не удалось, к великому моему сожалению, посетить вас и вашу супругу в Кунцеве. А мне бы нужно было с вами переговорить. Во-первых, о картинах Верещагина, которых я увидел теперь в первый раз и которые поразили меня своей оригинальностью, правдивостью и силой...» ¹⁸.

С этого времени Тургенев сделался большим почитателем таланта замечательного русского художника.

Ш

В начале августа 1876 г. Тургенев вернулся в Париж и поселился в своей вилле в Буживале. Прожив там около трех месяцев, он за день до переезда на зимнюю квартиру в Париж писал 7 ноября (н. с.) Я. П. Полонскому: «Крамской и Верещагин оба здесь, т. е. в Париже. Первого я еще не видел, а второго, вероятно, и не увижу вовсе — так как он прячется ото всех, исключая журналистов, пишущих о нем рекламы» 19. Явное сожаление слышится в словах Тургенева, когда он говорит о Верещагине: «... вероятно, и не увижу вовсе». Писатель уже давно был готов к знакомству с ним, но каждый раз что-то мешало этому.

Препятствием к их встрече и личному знакомству в последующие месяцы послужила начавшаяся 12 апреля 1877 г. война России с Турцией за независимость балканских славян: через четыре дня после объявления войны Верещагин уехал в действующую армию. Уже в первые недели пребывания на Балканах он принял участие в боевых действиях и вскоре был ранен, находясь на миноноске «Шутка» во время атаки на турецкий монитор. Еще не оправившись полностью после ранения, художник поехал на решающий участок военных действий у крепости Плевна, где русская армия, ведя ожесточенные бои и неся огромные потери, не могла, тем не менее, добиться успеха. О своих переживаниях Верещагин позже говорил: «Я слишком принимаю к сердцу то, что пишу; выплакиваю (буквально) горе каждого раненого и убитого» ²⁰. К этому присоединились известия о гибели на войне любимого брата Сергея и о ранении брата Александра. Тягостные впечатления принесло ему пребывание на Шипке — здесь

МАСТЕРСКАЯ В. В. ВЕРЕЩАГИНА В МЕЗОН ЛАФФИТТ В ГОДЫ, КОГДА ЗДЕСЬ БЫВАЛ ТУРГЕНЕВ Фотография конца 1870-х годов Русский музей, Ленинград

В центре стены — картина «Транспорт раненых (Раненые)», понравившаяся Тургенсву; за мольбертом — художник

он воочию увидел то страшное положение, в котором оказались русские солдаты в этом районе войны зимой 1877/1878 г. Именно тогда Верещагин задумал триптих «На Шипке все спокойно!» Этакой бодрой и в то же время лживой фразой бесталанные русские военачальники прикрывали тягчайшее положение, в котором оказались героические защитники Шипки. Верещагин удивительно метко применил эти слова для названия триптиха, в котором изобразил всего только одинокую фигурку солдата в плохонькой шинелишке, с ружьем, на часах,— в лютый мороз его заносит снежная выога, и никому нет до него дела. Художник, разоблачая официальную ложь о положении на Шипке, показал подлинный смысл полупобедных рапортов, скрывавших бессмысленную гибель тысяч и тысяч скромных героев войны, войны, к которой русская армия оказалась плохо подготовленной. Конечно, он не мог даже предположить, что благодаря его замечательному триптиху, вызвавшему такую боль в сердцах людей и потрясшему как современников, так и последующие поколения зрителей, слова «На Шипке все спокойно!» навсегда станут синонимом показного благополучия, скрывающего подлый обман.

Верещагин стремился увидеть самое важное на войне своими глазами, он с упорством работал над этюдами с натуры в опаснейших условиях. Об этом пишет журналист Вас. И. Немирович-Данченко, наблюдавший художника за работой на поле сражения 28 декабря 1877 г., когда была занята деревня Шипка: «28-го Скобелев повел войска на штурм... Несколько редутов взяли штыками. Бой был упорный и отчаянный. Кругом люди падали, как мухи. С злобным шипением пули уходили в снег Казанлыкской долины, другие словно вихрь проносились мимо, и посреди этого ада В. В. Верещагин на своей складной табуретке, набрасывал в походный альбом общую картину атаки... Много истинного мужества и спокойствия нужно было для этого...»²¹.

Верещагин пробыл на Балканах до конца войны. Оттуда он вывез много этюдов, эскизов и набросков, на основе которых вскоре создал большую серию замечательных произведений, запечатлевших героизм и бесстрашие русской армии в борьбе за освобождение балканских славян от турецкого ига. Летом 1878 г., через несколько месяцев после заключения мира, посетив мастерскую Верещагина в Париже, Стасов писал: «Во время войны я сто раз нападал, про себя и вслух, на наших художников, из которых ни один не тронулся с места. Пока вся Россия шевелилась и волновалась, и протягивала на помощь общему, никогда еще не имевшему себе подобного, национальному делу что только могла --- руку, рубль, кусок холста, бинт или шапку, --- они сидели по мастерским и творили кистью или резцом совсем не то, что в ту минуту, мне казалось, должны были тогда все русские художники рисовать, чертить, писать, лепить из глины, выливать из меди. Но разве это в самом деле было возможно и мыслимо? У каждого есть свое собственное, особенное дело, да и, наконец, не всякий же приготовлен всею жизнью и складом идти на войну и быть ее художественным, глубоко талантливым историком. Теперь у меня не осталось и тени сожаления: пусть только Верещагин доведет начатое дело до конца, и нам нечего тужить и беспокоиться: та небывалая, несравненная картинная галерея, какой требовала война, будет создана русским искусством, и великие дни великой русской истории 77 года навеки будут занесены на несокрушимые скрижали» 22.

Стасов ошибся, считая, что Верещагин был единственным русским художником, запечатлевшим военное выступление России в защиту Сербии, Черногории и Болгарии. Были и другие русские живописцы, много работавшие на тогдашнем театре военных действий; некоторые мастера создали, не выезжая на Балканы, ряд превосходных полотен на темы войны ²³. Но Верещагин внес, конечно, самый значительный вклад в дело художественного изображения борьбы России за независимость балканских славян.

Летом 1878 г. Тургенев приехал в Россию. Побывал он и в Москве. Здесь его пригласил Третьяков в гости на дачу. Сохранилась записка Тургенева, в которой он сообщал в начале августа В. А. Черкасскому: «Милейший князь, поездка завтра оказывается невозможной, ибо я обещал Третьякову (покупателю Верещагина) обедать у него в Кунцеве — и он заезжает за мною»²⁴. (Любопытно, что имя Третьякова ассоциировалось у Тургенева с покупкой туркестанской серии Верещагина.)

Дочь Третьякова, которой тогда было девять лет, рассказывая об этом приезде Тургенева в Кунцево, могла лишь вспомнить, что за столом шла оживленная беседа ²⁵. Но вполне вероятно, что имел место и разговор о Верещагине, о его поездках в Индию и на войну, о его новых работах, исполненных там, — Третьяков систематически переписывался с художником, да и в газетах о нем часто появлялись сведения.

Думается, что Тургенев не прошел мимо обширной статьи Стасова, написанной им после посещения парижской мастерской Верещагина,— статья эта появилась в конце сентября в двух номерах самой распространенной петербургской газеты ²⁶.

4 ноября (н. с.) 1878 г. Тургенев возвратился в Париж после поездок в Россию и в Англию. Теперь он сам проявил инициативу, чтобы познакомиться с Верещагиным и посмотреть его новые произведения. С просьбой помочь ему в этом Тургенев обратился к своему приятелю, художнику А. П. Боголюбову, постоянно жившему в Париже. Встреча была назначена на 15 ноября (н. с.) в мастерской Верещагина. В написанной за день до этого записке Тургенева к писательнице А. Н. Луканиной говорится: «Любезнейшая Аделаида Николаевна, 5 минут после вашего ухода я вспомнил, что завтра в 10 ч. утра я должен ехать к живописцу Верещагину в его мастерскую...»²⁷.

Вот что рассказывает Верещагин о знакомстве с писателем:

«После турецкой войны, художник Боголюбов сказал мне как-то: "есть один человек, очень, очень желающий с вами познакомиться".— Кто такой?— "И. С. Тургенев". Я был душевно рад этому и просил приехать в какое угодно время. Когда этот дорогой гость приехал в Maisons Laffitte, мне, признаюсь, просто хотелось броситься к нему на шею и высказать, как я глубоко ценю его и уважаю. Однако вышло иначе, пришлось представить бывшего у меня в то время приятеля, генерала С (кобелева), и мы обменялись только обычными банальными любезностями. Тургенев с большим интересом рассматривал мои работы. Тогда были уже начаты две, три картины из турецкой войны; из них особенно понравилась ему перевозка раненых: каждого из написанных солдатиков он называл, по именам.— "Вот это Никифор из Тамбова, а это Сидоров из-под Нижнего" и т. п.» ²⁸.

К сожалению, Верещагин ограничился очень скупым описанием первой своей встречи с писателем. Для того, чтобы у читателя было более полное представление о том, где она происходила, что Тургенев видел в мастерской Верещагина и о возможных темах их бесед, мы постараемся несколько расширить рамки рассказа художника.

Еще находясь летом 1875 г. в Индии, Верещагин в письмах к Стасову просил помочь ему найти в Париже архитектора, который построил бы мастерскую на купленном художником участке земли в окрестностях Парижа. С просьбой порекомендовать надежного архитектора Стасов обратился к Тургеневу, как раз в те сентябрьские дни переехавшему в загородный дом, построенный для него в Буживале. «Архитектора я знаю лично только одного, Mr Poitrineau, который выстроил мой "châlet" здесь, отвечал Тургенев 5 сентября (н. с.).— Человек он честный и дельный, без особенной силы воображения. Живет он летом здесь, т. е. в Croissy; контора его в городе, rue de Clichy, 58» 29. Стасов сообщил это Верещагину, но художник поручил постройку другому архитектору. То было большое здание, выстроенное под Парижем в городке Мезон Лаффитт, на авеню Клебер. Кроме жилых комнат, здесь были две мастерские. Стасов так описывает этот дом Верещагина: «К нему в мастерскую не очень-то расскачешься. Ведь, пожалуй, и в двери не пустят. Он живет под Парижем, всего в нескольких верстах, настоящим бирюком (...) И расселся он с огромными своими мастерскими и прилепленными к ним капельными жилыми комнатками, среди рощ и полей парижских окрестностей, зеленые непроницаемые стены отделили его и от Парижа, и, кажется, от всего мира, и там он делает свое дело, то, что он считает задачей своей жизни, в глубоком уединении и тиши. Гости не протопчут слишком широких дорожек до его крошечного поместья в Мезон Лаффитт. Только на этот манер, мне кажется, и могут делаться крупные вещи на свете».

Тургенев побывал в доме Верещагина через несколько месяцев после Стасова. Поэтому представляет интерес рассказ критика о том, какие работы художника там

находились. Это прежде всего серия индийских этюдов. «Когда я вошел в десятисаженную парижскую мастерскую, они все разом глянули на меня со своей стены, на которой расставлены рядами и этажами в блестящих рамах. Это был словно великолепный какой-то иконостас, весь из чудных красок и золота. Колорит юга и солнца, яркого голубого неба, лучезарных дней и знойного лета — поразительно действует на глаз и душу, сильно зажигает воображение. И тут, перед этой массой этюдов с натуры, я еще новый раз почувствовал, что Верещагин все только совершенствуется и совершенствуется, все только идет вперед да вперед». Называя Верещагина живописцем народа, народных масс, Стасов пишет: «То, что затевает сделать Верещагин, на основании груды этюдов, вывезенных из Индии, опять чудесно и великолепно, подобно прежним его затеям». Стасов считал, что Верещагин принадлежит к числу самых значительных, самых глубоких художников-историков века, тех немногих мастеров, которые в своих творениях неизменно ставят вопросы: «А что переносил народ? А что думал и чувствовал народ? Что с ним самим-то совершалось, пока шли обычной чередой большие, официальные события, то, что заносится в курсы и учебники? — вот вопросы, которые неотвязно мучат и наполняют душу его, вот вопросы, которым он однажды навсегда посвятил жизнь и кисть свою».

То, что так живо описано в статье Стасова, из которой взяты эти строки, Тургенев вскоре сам увидел при посещении мастерской Верещагина. Осмотрев индийские этюды, он мог убедиться в том, сколько пытливого внимания художник уделял тягостной жизни народов, населяющих Индию, их борьбе с колонизаторами. Вполне возможно, что и эта тема имела место в разговоре Тургенева и Верещагина, посвященном почти двухлетнему пребыванию последнего в далекой стране.

Несомненно, значительную часть их беседы занимали недавние события на Балканах. Тургенев принимал их близко к сердцу,— недаром в дни сербско-турецкой войны он говорил: «За торжество, за победу Сербии я бы готов дать очень многое—будь я моложе,—я сам бы туда поехал» 30. А когда война России с Турцией стала неотвратимой, Тургенев писал, что любое его огорчение «исчезает перед мыслию о том, что предстоит России. Война — война — тревожит меня постоянно — с утра до вечера. Я сам не подозревал, до какой степени во мне сильна любовь к родине» 31. Поэтому можно себе представить, с каким интересом писатель слушал рассказы художника о его пребывании на войне, осматривал этюды, привезенные художником с балканского театра военных действий.

Вот как описывает Стасов в той же статье осмотр им этих этюдов вслед за индийскими: «...потом я очутился в одном маленьком отделении большой мастерской, отделенном от главного пространства железной стенкой во всю вышину здания — и тут я ахнул более чем перед всем остальным, что только я видал до сих пор у Верещагина». Напомнив, что при первом же пушечном выстреле художник, бросив и Париж, и свою мастерскую, и индийские этюды, «поскакал на Дунай», Стасов далее пишет: «Мне кажется, все знают, что с ним там было, и как он делал наброски сражений, переходов, всего совершившегося перед глазами, под пулями, ядрами и гранатами. Теперь я увидал эти наброски. Их около сорока». Стасов нашел вдохновенные слова, чтобы описать эту чудесную серию этюдов, — то были маленькие деревянные дощечки, с натянутыми на них холстиками. «И при первом же вагляде на эти дощечки видишь, когда и как они были писаны, в какие минуты ходила по ним кисть. На них горит огонь пламенного одушевления, ясно видишь, что поэтическая или грозная минута была выбрана в одно мгновение ока и запечатлена навеки огненною страстною кистью (...) Какая верность тонов и планов, намеченных разгоряченною, пламенеющею душою...». И далее: «Чудесны туркестанские и индийские картинки Верещагина, великолепны золотые краски и яркий блеск южной природы, но еще поразительнее мне показались теперь пустынные поля и горы, где толстые слои снега истоптаны тысячами русских и турецких шагов. Несколько десятков картинок — все только серых и белых, все только снег, да туман, да облака, да жидкие ряды деревьев — и однако же, какая у Верещагина вышла цепь колоритных, разнообразных сцен. И что за tour de force *, целая картинная

^{*} Непереводимое французское выражение, означающее преодоление чрезвычайной трудности.

nun nethubalus Jupy husenesso renoundering normeants, we noggalanty consigrauge ja mms ung chow padrinaw, ergues noce oft, main road, we regime Ind mercy incress we recent were sepay newmon of you're, game someth, by cantrain m pysonis mountan, a aly, pays me excluse h ender neopenuoso empata superell newstrucouis departilles; our - noncour . I'm u cusually at snown, compact, Restormand no me enough month more processed month of my ment month, whereand, compact hand o est, negleousnu Kanit no sulpering person stoppede traus deposedy, card upunit, Ano 1 amos duty, Banit bengamb our. Harrow 6. . Rolopuo varingon. 18 ago Weigums ybuthering B. Bryony anny no norming emadeun Tyung Do cheegening your boutumer agrinued, ex for mer onoun, com les mounts u Leave Ungenerate my mundly Man Cepmenn

письмо в. в. верещагина к тургеневу от 4 декабря 1878 г.

Национальная библиотека, Париж

галерея из одного снега и белой краски. Такой смелой пробы не покажет ни одна школа живописи. Никто еще не осмеливался быть так дерзок и правдив. Национальнее и проще этого, право, кажется, ничего не найдешь ни у какой нации. Переход отряда, тянущегося по горам тоненькой черной ниточкой, длинный ряд телег на волах, с наваленными ранеными, отчаянно или покорно глядящими, только что раскинутые на стоянке палатки, воткнутый в снег, на быстром проходе, крест над погребенным тут сейчас товарищем, перестрелки и бомбардировки, слетающиеся над покинутыми телами вороны, усеянные трупами безмолвные дороги, десятки других еще сюжетов, которых и не перечтешь, с каким все это мастерством, поэтичностью и красотою схвачено молнией и запечатлелось навсегда у Верещагина. У каждой картинки свое настроение, свой характер и, глядя на них, забываешь, что всюду один и тот же белый или серый снег: кажется, что тут целая гамма тонов, богатая и разнообразная, — столько различных настроений духа и порывов душевных водило твердою рукою художника».

На мольбертах художника в его мастерской Стасов видел ряд начатых больших полотен, в основу которых были положены этюды с натуры. Из этих картин, еще находившихся в работе, Стасова всего более поразила «Дорога близ Плевны». Мимо этюдов и картин, посвященных событиям в этом районе войны, не мог пройти и Тургенев. Ведь в разгар жестоких сражений под Плевной он писал приятелю: «На душе скребет и гложет ото всего того, что происходит у нас, в Турции и т. д. Вот хоть теперь: целую неделю томит неизвестность, чем же кончится, наконец, эта бойня под Плевной, сердце замирает, когда приносят журнал... и все никакого решения» ³². В цитированных выше воспоминаниях Верещагин называет картину, которая «особенно понравилась» писателю при посещении мастерской художника: это «Транспорт раненых. (Раненые)». Ее нынешнее местонахождение неизвестно, и представление о ней можно получить лишь по плохой репродукции, поэтому мы лишены возможности остановиться на этой картине, привлекшей внимание Тургенева.

По-видимому, к тому времени, когда Тургенев впервые появился в мастерской Верещагина, работа над триптихом «На Шипке все спокойно!» еще не началась или была только на первом этапе. Иначе невозможно себе представить, чтобы писатель не высказал своего мнения об этом замечательном создании художника.

На Тургенева посещение мастерской Верещагина произвело огромное впечатление. Это явствует из письма, которое Тургенев отправил 15/27 ноября 1878 г. П. В. Анненкову ³³: «Видел я картины (этюды и пр.) В. В. Верещагина. Замечательный, крупный, сильный — хоть и несколько грубоватый — талант. Он, говорят, собирается их выставить в Париже, прибавив и те, что принадлежат Третьякову в Москве: успех будет несомненный — именно теперь» ³⁴.

Ни одному выдающемуся русскому живописцу Тургенев никогда не давал такой проницательной оценки.

IV

Первая встреча положила начало дружеским отношениям Тургенева и Верещагина. И с того времени не было случая, когда бы маститый писатель, которого уже десятилетия знал цивилизованный мир, всеми средствами не способствовал популяризации творчества высокоодаренного живописца-соотечественника, пропустил хоть одну возможность содействовать ему.

По-видимому, второй раз они встретились 4 декабря (н. с.). Это можно заключить из письма Верещагина, которое сохранилось в бумагах Тургенева, поступивших в парижскую Национальную библиотеку. Вот его текст, впервые публикуемый:

4 декабря

Иван Сергеевич!

Позвольте вам по секрету сообщить, что я имею виды на издание, способом Гупиля, кроме больших картин, еще и всего индийского путешествия (с текстом, если возможно). Если вы его, т. е. Гупиля, хорошо знаете, скажите об этом; коли захочет

посмотреть, пусть приезжает, только поскорее, так как, не позже как через неделю, я уеду на Балканы. Говорю на случай, если здоровье ваше дозволит вам видеть его. До свиданья.

Вас искренно уважающий В. Верещагин

Продолжая то, что сегодня говорил, скажу вам о себе, что никогда ничего не начинал, даже этюда, без сильного, искреннего страха перед трудностью исполняемого; раз же севши в седло — поехал. Это и следующее затем недовольство своею работою, я думаю, не русские только, а общечеловеческие свойства; они почтенны, но поддаваться им не надобно.

(по поводу Хар.....)

Прежде всего о дате письма: хотя на нем указаны лишь день и месяц, но его год устанавливается с полнейшей точностью — это 1878 год. В связи с тем, что по мирному договору Шипка отходила к Турции, художник решил съездить туда, чтобы сделать несколько нужных ему этюдов для завершения больших полотен. «Я думаю ехать на днях и побывать только на Шипке, как месте, отходящем туркам; в других местах, которые остаются за Болгарией, успею побывать после»,—писал Верещагин 7 декабря (н. с.) 1878 г. Стасову. О том же идет речь и в письме Верещагина к Тургеневу, датированном 4 декабря,— значит оно относится к тому же году ³⁵.

В постскриптуме художник упоминает о разговоре с писателем, состоявшемся «сегодня». По-видимому, эта встреча произошла на парижской квартире Тургенева,—в своих воспоминаниях Верещагин говорит, что в первый приход к Тургеневу он застал его больным подагрою,—очевидно, речь идет о том же посещении. Из продолжения начатого там разговора ясно, что собеседники обменивались мыслями о причинах того недовольства, которое вызывает у требовательных людей творческого труда почти каждая выполняемая ими работа.

Письмо Верещагина, отправленное в этот день Тургеневу, интересно и тем, что содержит просьбу художника помочь в издании репродукций его произведений у парижского антиквара Гупиля, который занимался также издательской деятельностью. Э10 значит, что уже с первых дней знакомства с Верещагиным Тургенев охотно помогал ему в нужных случаях, — иначе художник не обращался бы к нему запросто. Гупиль был известен в художественных кругах Парижа, знаком с видными русскими художниками, жившими там. Так, называя галерею Гупиля превосходной, Репин высоко оценивал его вкус («знает толк, собака, чудные есть вещи») ³⁶. Гупиль задавал тон в выдвижении того или иного художника, с его мнением считались. Об этом хорошо знал Верещагин. Еще в апреле 1874 г. несколько его работ появилось в магазине Гупиля, но познакомились они позже. Что же касается издания репродукций картин, которые художник решил выпустить у Гупиля и просил помочь в этом Тургенева, то суть дела он подробно изложил в письме к Стасову, отправленном за несколько недель до публикуемого письма: «Уверен, что вы одобрите мою мысль сделать его (издание) с текстом, выпусками, листов в 5 большого формата, тем способом печатания по фотографии, которым теперь Гупиль так хорошо работает. Например, в первом выпуске могут пойти 2 плевненские картины, Дороги, Дунай, Балканы. Какой хороший случай рассказать просто, понятно и откровенно то, чему был свидетелем; лишь бы только не струсить в откровенности. Как только вопрос о том, куда пристроятся мои картины, решится, немедленно приступлю к изданию». Намерение Верещагина осуществилось. Возможно, в этом ему помог Тургенев, которому, конечно, пришлась по душе мысль художника показать свои произведения широким кругам зрителей.

Наконец, необходимо объяснить смысл слов «по поводу Хар.....», которые Верещагин приписал (в скобках) в конце письма к Тургеневу. Они весьма любопытны, так как за ними скрывается интересное содержание. Можно не сомневаться, что Верещагин имел в виду художника А. А. Харламова, о котором шла речь в беседе Тургенева и Верещагина 4 декабря 1878 года. Верещагину захотелось, видимо, продолжить этот спор в письме, но что-то удержало его. О глубокой ошибочности ваглядов писателя на творчество Харламова мы подробно говорили в исследовании «Репин и Тургенев» ³⁷,

поэтому здесь скажем лишь несколько слов. Писатель возлагал большие надежды на талант Харламова, считая его «величайшим современным живописцем» и называя портреты его кисти «чудесными». Тургенев был неправ в этих высоких оценках. Хотя он и находил критические слова для характеристики работ художника («у него совсем воображения нет»), тем не менее не замечал, что художническая манера Харламова целиком заимствована у банальных зарубежных живописцев. С полным основанием молодой Репин утверждал: «Харламов есть экстракт французских манер, и русского он понять не способен». Харламов был безусловно одаренный художник, но отсутствие самостоятельности, своего почерка и его эпигонство были столь явны, что критики писали: «Харламов не имеет ровно никакого отношения к русскому искусству». Верещагин относился к творчеству Харламова отрицательно и, конечно, высказал свои взгляды писателю с полной откровенностью. Нельзя не вспомнить о том, что когда Крамской решил сравнить Верещагина и Харламова, то, говоря о первом, как о «явлении, высоко подымающем дух русского человека», так пояснил свою мысль: «Это человек оригинальный и вполне самобытный, несмотря на то, что он много времени провел за границей и усвоил себе все технические приемы западного искусства, только с некоторой поправкой, ему одному принадлежащей. Через это видеть его. — истинное наслаждение, и какая разница с Харламовым!» ³⁸. К сожалению, мы лишены возможности узнать в подробностях мнение Верещагина о Харламове, но не приходится сомневаться, что спор по этому поводу с Тургеневым, учитывая характер Верещагина, носил резкий характер.

Верещагин вспоминал, что вскоре после первого посещения Тургенев еще два раза приезжал в его мастерскую, причем «однажды привез и представил своего приятеля Онегина $\langle A. \Phi. Otto \rangle$, который потом, за время последней болезни, чаще всех нас навещал его» ³⁹. Писатель в декабре 1878 г. болел, поэтому эти встречи могли иметь место лишь после поездки художника на Балканы, куда он поспешил, чтобы успеть сделать зимние этюды. А вернувшись в Париж 10/22 января, Верещагин стал готовить выставку своих произведений для Лондона. Быть может, во время этих встреч он даже советовался с Тургеневым о том, что ему на ней показать.

Выставка, открывшаяся в начале июня 1879 г. в одном из зданий Кенсингтонского музея, включала в себя около 180 произведений Верещагина — картины и этюды из индийских серий, ряд работ на темы русско-турецкой войны. Несмотря на то, что эта война вызвала в разных слоях английского общества взрыв антирусских настроений (возникла, как утверждает Стасов, «самая страстная, самая дикая ненависть к русскому походу и к русским освободительным подвигам»), выставка Верещагина в Лондоне имела большой успех. В английской прессе появились восторженные статьи. Вот, например, что писала газета «Chelsea News» о произведениях художника: «Они доказывают громадную энергию, великую индивидуальность, соединенную с необыкновенным мастерством и, во многих случаях, с первостепенным колоритом. Нам приятно видеть, что эта значительная коллекция нашла себе место для временной выставки поблизости наших художественных школ, и серьезно надеемся, что английские молодые художники будут посещать эту выставку. Здесь они найдут себе урок более полезный, чем всякие сухие наставления, какими их могут попотчевать члены королевской Академии художеств». Газета «Daily Telegraph» посвятила верещагинской выставке большую статью, в которой были такие строки: «Можно сказать, что здесь на выставке присутствовало все, что есть в Лондоне представителей мира интеллигенции, вкуса и знания, и эта толпа собралась, чтобы посмотреть на новые произведения того русского художника, чей гений и энергия одни добыли ему могучих и влиятельных друзей как в Англии, так и у него на родине. У Верещагина впереди блестящее будущее, ему предстоит осуществить в картинах все виденное и испытанное им в его отважных странствиях в отдаленнейших странах света». И далее: «Блеск и свет многих картин его индийской коллекции, больших и малых, живо напоминают всю горячую ослепительность тропических стран. В противоположность им вы тут же видите снежные сцены, необыкновенно правдивые: а зимние эффекты иных военных картин страшно возвышают реальность рассказываемых им событий. В этих последних русский талантливый художник, и сам нередко принимавший участие в турецко-болгарской войне, отбрасывает великодушно в сторону все односторонние впечатления и рассказывает печальную истину о страшной войне» ^{40} .

В дни, когда открылась лондонская выставка Верещагина, в Англию поехал Тургенев. Он должен был присутствовать в Оксфордском университете на церемонии присуждения ему степени доктора наук honoris causa. На приемы и визиты, связанные с этим событием, у писателя ушло немало времени, тогда же он завязал много новых знакомств. Хотя Тургенев пробыл в Англии меньше недели (приехал 3/15 июня 1879 г., а 10/22 июня уже вернулся в Буживаль), он все же посетил в Лондоне верещагинскую выставку. И это несмотря на то, что подавляющую часть ее экспонатов видел в мастерской художника. Вполне возможно, что писатель привел на выставку некоторых своих английских друзей, объяснял им содержание картин и этюдов балканской серии. Обычно в письмах Тургенева находило отражение то, что приносило ему большую радость, удовлетворяло его. К сожалению, многие тогдашние письма Тургенева до нас не дошли, поэтому мы лишены возможности в полной мере охарактеризовать то впечатление, которое на него произвела эта выставка. Но даже по единственному дошедшему до нас отклику на выставку видно, что она доставила Тургеневу удовольствие. «Картины Верещагина я в Лондоне видел. Они очень хороши, хотя несколько грубоваты — и произвели эффект»,— писал 16/28 сентября 1879 г. Тургенев Полонскому ⁴¹. Ему явно было по душе и то впечатление, которое она произвела на англичан. Тургенев, по-видимому, теперь в полной мере осознал, что и в Париже. тогдашнем центре мировой художественной культуры, выставку произведений Верещагина ожидает большой успех.

$\mathbf{v}$

Верещагин уже давно мечтал о большой выставке в Париже, но ему еще ни разу не удавалось добиться этого. Впервые посетив его мастерскую в ноябре 1878 г., Тургенев, извещая Анненкова, что Верещагин собирается показать свои произведения Парижу, добавил: «успех будет несомненный». И когда после закрытия лондонской выставки художник занялся подготовкой новой выставки, Тургенев оказал много внимания ее организации, сделал все, что было в его силах, чтобы тот успех, который он предвещал год назад, сопутствовал выставке произведений Верещагина в Париже.

За несколько месяцев, которые отделяли лондонскую выставку от парижской, художник много содействовал тому, чтобы она была еще обширнее, еще богаче, ему захотелось достойно предстать перед французским зрителем, весьма искушенным в изобразительном искусстве. Можно не сомневаться, что Верещагин в период подготовки выставки обращался к писателю с различными просьбами и вопросами и получал самые дружеские советы. Тургенев, проживший в общей сложности четверть века во Франции, хорошо знал, какую огромную роль играла там пресса в подготовке общественного мнения. К тому же это вообще была первая в Париже персональная выставка русского живописца. А ведь французские критики до этого почти не знали русского изобразительного искусства, да и работы наших художников демонстрировались за рубежом весьма редко. Вот почему Тургенев решил сам выступить в парижской печати со статьей о Верещагине, а также широко использовать свои знакомства и дружеские связи в журналистском и писательском мире Парижа, чтобы пропагандировать творчество русского художника, который пришелся ему по душе.

В своих воспоминаниях о Тургеневе Верещагин скупо говорит о том содействии, которое оказал ему писатель; такая предельная краткость вызывает чувство удивления. Художник, конечно, являл пример необычайного труженика, он был постоянно занят не только осуществлением творческих замыслов. В частности, немало времени он охотно уделял литературной деятельности, печатаясь в газетах и журналах, работая над своими книгами. И если сразу после смерти писателя Верещагин нашел время, чтобы записать свои воспоминания о знакомстве и дружбе с ним, то сделать это он вполне мог более содержательно. Вот, например, что сказал художник о помощи, оказанной ему Тургеневым в конце 1879 г. в подготовке парижской выставки. Сообщая, что писатель «всегда был приветлив, всегда готов был помочь, чем только был

²⁰ Литературное наследство, т. 73, кн. первая

в состоянии», Верещагин дальше пишет: «Когда я выставлял в Париже мои работы, ов сначала старался помочь отыскать место для выставки, а потом написал в "XIX Siècle" несколько строк, которыми представил меня парижской публике» ⁴². И только! Как мы сейчас увидим, художник лишь в самой малой мере поведал о том, что в действительности сделал для него Тургенев.

Представляет интерес неизвестная в печати записка Верещагина, относящаяся ко дням подготовки выставки и сохранившаяся в парижском архиве Тургенева:

29 ноября

Дорогой Иван Сергеевич!

Если не печатается еще ваша заметка, то не подождать ли? Разные комитеты клуба бросают столько палок под колеса, что я сомневаюсь, чтобы выставка моя состоялась. Не подождать ли? Я извещу, когда дело решится.

Вас уважающий В. Верещагин

Хотя записка касается лишь помещения для выставки, но ее тревожный тон свидетельствует о том, что художнику встретилось немало трудностей, прежде чем его выставка в Париже открылась. В решении вопроса о предоставлении для нее помещения, как явствует из приведенного отрывка воспоминаний Верещагина, принималу участие Тургенев. Именно он, по-видимому, и просил руководителей клуба, называвшегося Сегс artistique et littéraire и находившегося на rue Volney, предоставить помещение клуба для верещагинской выставки (клуб этот существовал еще в двадцатых годах нашего века, и там часто устраивались художественные выставки).

На своей парижской выставке, открывшейся 15 декабря (н. с.) 1879 г. в Париже, Верещагин решил показать около 300 картин и этюдов. И если на лондонской выставке балканская серия была представлена всего лишь восьмью работами — пятью этюдами и тремя картинами,— то для парижской выставки художник сумел подготовить еще тринадцать картин.

Накануне вернисажа Тургенев обратился к редакторам ряда пользовавшихся наибольшей популярностью парижских газет и журналов с письмами, в которых не только восторженно отзывался о Верещагине, но и просил дать место объявлению о выставке, напечатать отзыв о ней. Пока обнаружено только одно такое письмо Тургенева,— то, что было послано им в редакцию газеты «La République Française». Руководил в это время газетой Жюль Мелин, но Тургенев адресовал его, по всей вероятности, секретарю редакции Жозефу Рейнаку, с которым был хорошо знаком. Письмо показывает, как энергично Тургенев старался заинтересовать парижскую прессу предстоящей выставкой произведений Верещагина.

50, rue de Douai Paris Vendredi matin

Mon cher Monsieur,

Vous seriez bien aimable d'annoncer dans la «République» l'exposition des tableaux de mon compatriote et ami B. Véréschaguine, qui s'ouvre dès le 15 au Cercle de la rue Volney (c. d. St.-Arnaud)— et ne durera que quinze jours. Il y a des études de l'Inde — des études et de grands tableaux achevés — puis des œuvres considérables, dont le sujet est pris de la dernière guerre des Balkans (vous savez que Véréschaguine) y a pris une part personnelle — il a même été blessé).

C'est très original, très puissant de couleur — et très frappant de vérité et de justesse dans la reproduction des types. V(éréschaguine) est sans contredit la plus intéressante physionomie artistique que nous ayons en Russie dans ce moment. Peut-être voudrez-vous (vous) donner la peine d'en juger de visu — l'exposition est déjà ouverte—pas pour le gros public.

Je vous remercie d'avance - et vous serre cordialement la main.

Votre dévoué Iv. Tourgueneff

Men cler mapeus

Peut the medity my more to. Asine 3 in Jufer de whe - Mayo

title at dy, most par purt

from public.

Il mu remercie d'avance. - ch

my serve consalement to main

lists dique , que nous ay one enterma

ones a runnent . -

New her mel

SC RUE DE DOUA!

nower brus las theywhiten terpos of aux. B. Vereschagnine, ger. him he hableaus he men inspetired to brien you quing front . If ya More Noluy (0.3. f. arrand) - at true deries hier aimable I an be starte at 1 June . du stude ch

Sh. tourguenes

Who deme

ove to la dernieu preme de Mallery bewar ontrocrable, onthe Graph as de grand tollary actives - puis ter We have you V. y a pris were part

de carelles - et the proposant de vont wordenelle il a minu che tette !ed the supposed trong posethaut

to the whereaut physiconia be types . I at cam inchest I su protes bur la regrapheni

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К СЕКРЕТАРЮ ГАЗЕТЫ «LA RÉPUBLIQUE FRANÇAISE» ЖОЗЕФУ РЕЙНАКУ ОТ 12 ДЕКАБРЯ 1879 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Тургенев характеризует Верещагина как одного из самых выдающихся русских художников и просит поместить в газете извещение об открывающейся в Париже выставке его картин

Перевод:

50, улица Дуэ Париж Пятница утром

Милостивый государь,

Не откажите в любезности поместить в «République» извещение о выставке картии моего соотечественника и друга В. Верещагина, которая открывается 15-го в клубе на улице Вольне (бывшей С\(\)-Арно) и продлится только две недели. На выставке представлены индийские этюды — этюды и большие законченные картины,— а также замечательные полотна на сюжеты последней балканской войны (вы знаете, что В\(\) ерещагин\) сам принимал в ней участие и был даже ранен).

Это очень оригинально, очень сильно по колориту и поражает правдивостью и верностью воспроизведения типов. В (ерещагин) бесспорно является теперь у нас в России самой интересной фигурой художественного мира. Быть может, вы дадите себе труд судить об этом de visu — выставка уже открыта, но не для широкой публики.

Заранее благодарю и сердечно жму вам руку.

Преданный вам И. Тургенев

Хотя на письме указан лишь день написания (пятница), этого вполне достаточно, чтобы точно определить его дату—12 декабря (н. с.) 1879 г. ⁴³ Значит, Тургенев отправил письмо за три дня до официального открытия верещагинской выставки в Париже. А обращение писателя в редакцию «La République Française» возымело самое положительное действие: в разгар выставки — 29 декабря — в этой газете появилась весьма благожелательная статья о ней ⁴⁴.

Характерно, что в этом письме Тургенев называет Верещагина самым интересным художником России того времени. Тут, если судить с полной объективностью, имело место некоторое преувеличение, но нет сомнения, что таким было в действительности мнение писателя. Вспомним, что Тургенев недооценивал творческие достижения других русских художников, например, Репина.

С еще большей энергией писатель выразил свое высокое мнение о Верещагине в другом обращении, уже предназначавшемся для печати и отправленном в весьма влиятельную парижскую газету — «Le XIXe Siècle». Оно было задумано в виде открытого письма редактору этой газеты Эдмону Абу, с которым Тургенев находился в дружеских отношениях. Тургенев часто прибегал к форме открытого письма (в его литературном наследии имеется свыше тридцати таких выступлений), когда ему хотелось выразить в печати свое мнение о выдающемся явлении культуры, а по каким-то причинам у него не оставалось времени для обстоятельной статьи. Поэтому нередко открытое письмо было небольшой статьей, как бы экстрактом неосуществленной обширной статьи. Таким и было открытое письмо в газету «Le XIXe Siècle», написанное Тургеневым 15 декабря 1879 г., — по его словам, в день открытия выставки — и 17 декабря появившееся на страницах газеты 45.

На протяжении восьмидесяти пяти лет это выступление не извлекалось в свет и не перепечатывалось, а потому не входило ни в одно из собраний сочинений Тургенева: оно оставалось не известным не только читателям, но и исследователям его творчества, а также и искусствоведам, изучающим Верещагина. Это тем более удивительно, что печатное выступление писателя о Верещагине упоминалось в литературе по крайней мере дважды. В воспоминаниях о Тургеневе, опубликованных еще в 1883 г. и цитированных нами выше, художник прямо говорит о том, что в «Le XIX° Siècle» появилось «несколько строк» писателя, которыми он его «представил» Парижу. Сам Тургенев другое свое открытое письмо тому же редактору — с рекомендацией перевода «Войны и мира», — напечатанное 23 января 1880 г., т. е. спустя пять недель в той же газете и на протяжении почти полувека переиздающееся, начинал так: «Вы любезно дали место в "XIX° Siècle" моему письму об открытии выставки картин Верещагина. Успех, без колебания предсказанный мною и превзошедший мои ожида-

ния, внушает мне смелость вторично обратиться к вам. На этот раз речь идет снова о произведении художника, но художника, живописующего пером». Правда, комплект газеты «Le XIXe Siècle» за 1879 г. отсутствует в библиотеках Москвы и Ленинграда. Сделать эту статью Тургенева достоянием читателей дало нам возможность обращение—путем переписки— в одну из зарубежных библиотек.

Открытое письмо Тургенева, полный текст которого (на французском языке и в русском переводе) печатается ниже, вслед за настоящей статьей, является уникальным во всем творческом наследии писателя, — другого его выступления в печати с оценкой произведений современного живописца до сих пор не было известно. Статья тем более знаменательна, что у Тургенева, как мы знаем, были весьма прочные привязанности к некоторым современным художникам, как отечественным, так и зарубежным, например, к Харламову. Тем не менее ни о ком из этих весьма правившихся ему живописцев Тургенев не высказывал своего мнения в печати. А ведь как страстно он спорил в беседах с теми, кто отрицал оригинальность дарования Харламова, кому только из своих друзей и близких знакомых ни выражал в письмах самых одобрительных отзывов об этом художнике. П. В. Анненков, А. П. Боголюбов, Ю. П. Вревская, Эмиль Дюран, П. В. Жуковский, Эмиль Золя, М. А. Милютина, А. Ф. Онегин, А. Ф. Писемский, Людвиг Пич, А. В. Плетнева, Я. П. Полонский, М. Е. Салтыков, В. В. Стасов, М. М. Стасюлевич, А. В. Топоров, — вот далеко не полный перечень тех корреспондентов Тургенева, которым он в восторженных тонах писал о Харламове. Но выступить со статьей о нем писатель все же не захотел, — а ведь повод для этого, если бы таковой понадобился, вполне мог быть найден, достаточно сказать, что Харламов постоянно экспонировал свои произведения на выставках «Салона», ежегодно открывавшихся в Париже 1/13 мая во дворце промышленности на Елисейских полях. И если Тургенев не сделал достоянием печати свое исключительно высокое мнение об этом художнике, то весьма примечательно, что он, видимо, без колебаний решил обнародовать свои мысли о Верещагине. Вот почему вполне можно предположить, что, близко ознакомившись с созданиями этого выдающегося живописца, Тургенев убедился в том, насколько преувеличенными оказались его оценки Харламова, которого вначале он даже зачислял в художники мирового класса, считая его зачинателем русской школы живописи.

С полным основанием давая в статье высокий отзыв о творчестве Верещагина, писатель также не избежал преувеличений. Это прежде всего выражается в общей оценке: «Верещагин несомненно самый своеобразный художник из всех, которых произвела Россия». С этим, конечно, никак нельзя согласиться, так как Россия была родиной многих живописцев, еще более замечательных, чем Верещагин. В какой-то степени преувеличенность общей оценки творчества Верещагина можно объяснить желанием Тургенева привлечь внимание зарубежных читателей к полюбившемуся ему художнику, первому из русских живописцев, выступившему с персональной выставкой в Париже.

Ярко сказано в статье писателя о стремлении Верещагина выразить в своих полотнах правду, о его упорном искании правды. Важно отметить, что Тургенев, имен в виду серию картин о русско-турецкой войне, солидаризируется с художником, который не только отказывается приукрашивать войну, по стремится показать ее страшные стороны. И это несмотря на то, что писатель весьма положительно относился к той борьбе, которую Россия вела за независимость балканских славян.

В целом это краткое выступление Тургенева может быть воспринято как первый набросок задуманной большой работы о Верещагине, как ее начальная схема. Здесь уже намечены основные элементы творческого портрета живописца. Так, в открытом письме, предназначенном всего лишь для парижской газеты, Тургенев сумел сказать об истоках художнических устремлений Верещагина, которые он выводит из великих достижений Гоголя. Немногими словами Тургенев охарактеризовал основные досточиства верещагинских произведений на темы «последней войны», но в этих словах дан ключ к оценке этой замечательной серии картин, которую он явно считал наивысшим достижением Верещагина. Тургенев даже отметил в открытом письме чисто формальные особенности мастерства художника — его колористические искания

и безукоризненность рисунка. Ведь если бы Тургенев продолжал разговор только об этих намеченных им в открытом письме качествах Верещагина как художника, и к тому же подверг разбору с этих точек зрения его конкретные произведения, то получилась бы большая, содержательная статья. И, как мы увидим ниже, судя по появившемуся в те же дни сообщению в одной зарубежной газете, не исключено, что Тургенев действительно собирался «рассказать историю» Верещагина.

Тургенев не ограничился собственным выступлением на страницах газеты «Le XIX° Siècle». Это было лишь частью того, что он решил сделать, чтобы Парижу стало широко известно творчество Верещагина. И если картины и этюды русского художника стали «первой новостью дня» и имели колоссальный успех, весьма значительную роль сыграл в этом Тургенев. Именно он приглашал посмотреть работы Верещагина знакомых писателей, искусствоведов и журналистов. Многие из них напечатали потом статьи о выставке, которые были данью глубокого уважения к великому писателю, а не только свидетельством восторга, вызванного у них полотнами художника.

Вот, например, в той же газете «Le XIXe Siècle», где 17 декабря 1879 г. появилось открытое письмо Тургенева, 26 декабря была напечатана пространная статья «Выставка Верещагина», автор которой — Филибер Бребан — счел нужным напомнить об этом недавнем выступлении писателя о художнике. «Кто такой Верещагин?»— говорит журналист в этой статье, и продолжает: «Один из его друзей, знаменитый русский писатель Иван Тургенев, взялся рассказать об этом нашим читателям». Считая, что отличительной чертой произведений Верещагина являются чарующая искренность и правдивость, обантельная сила и оригинальность таланта, которые околдовывают зрителя, Филибер Бребан подробно пишет о картинах балканской серии, особенно о триптихе «На Шипке все спокойно!», глубоко поразившем его соединением простоты и трагизма. Закончив рассмотрение серии, автор статьи продолжает: «Из этой залы, где все веет смертью, снегом и ужасом, перейдем в следующую, где все жизнь, свет, зной и веселье. Мы перед произведениями, привезенными Верещагиным из Индии. Тут он показывает нам с артистическим кокетством самые разнообразные стороны своего таланта. Здесь да простит нам, однако, художник несколько большую сдержанность в наших похвалах; они принадлежат ему безусловно за исполнение русских тем». Отмечая в Верещагине «все качества первоклассного колориста и даровитого творца сцен», автор заверщает статью словами о том, что выставка «наверное будет иметь большой успех» 46.

Любопытно, что руководители газеты «Le XIX° Siècle» не ограничились тем, что дали место открытому письму Тургенева и пространной статье сотрудника газеты. По-видимому, они сами посетили ее, и выставка произвела на них большое впечатление. Поэтому, печатая в номере от 23 января 1880 г. новое открытое письмо Тургенева, извещавшее французов о только что появившемся переводе «Войны и мира» (где он говорил: «Это великое произведение великого писателя — и это подлинная Россия»), редакция снабдила письмо следующим вступлением: «Великий русский писатель г. Иван Тургенев почтил нас нижеследующим письмом, сообщающим о столь же интересном в своей области литературном событии, каким была прекрасная выставка картин Верещагина» ⁴⁷. Таким образом, только одна влиятельная парижская газета, с которой Тургенев был связан, трижды возвращалась к этой выставке, неизменно давая ей на своих страницах высокую оценку.

Отметила выставку статьей весьма положительного характера и газета «La République Française», куда Тургенев отправил письмо с просьбой поместить извещение о выставке и посетить ее. Автор статьи, напечатанной в номере от 29 декабря, как рассказывает о ее содержании Стасов, «присоединяет тоже свой голос к хору общего удивления и восхищения парижан» ⁴⁸. Статья эта — еще один результат забот Тургене ва об успехе выставки Верещагина. Хотя статья подписана лишь буквами Рh. В., мы можем назвать ее автора: Филипп Бюрти, с которым Тургенева связывали добрые отношения. Известный художественный критик, вскоре занявший высокий пост правительственного инспектора изящных искусств, Филипп Бюрти написал несколько книг: «Les Chefs-d'Ceuvre des arts industriels» (1866), «Eaux-fortes de Jules de Goncourt» (1875), «Maîtres

et Petits Maîtres» (1877), а в 1878 г. выпустил том писем Делакруа. Филипп Бюрти был также коллекционером. Очевидно, сразу после закрытия выставки Верещагина Тургенев отправил французскому искусствоведу вместе с этюдом художника следующее письмо (приводим его в переводе):

Париж, 50, улица Дуэ Вторник утром 1880

Мой дорогой г. Бюрти,

Верещагин поручил мне передать вам прилагаемый здесь небольшой эскиз (с него он писал своего «Шпиона») и надеется, что вы пожелаете сохранить его на память.

Пользуюсь случаем поблагодарить вас еще раз и дружески пожать вашу руку.

Ваш Ив. Тургенев

Р. S. Будьте так любезны сообщить мне, кто пишет рецензии на книги в «République Française». Г. Арен — неправда ли? Сообщите мне, пожалуйста, его адрес, а и пошлю ему роман графа Льва Толстого 49.

Тургенев благодарит за статью, которую явно по его просьбе Филипп Бюрти напечатал в газете «La République Française».

Из французских литераторов, с которыми Тургенев беседовал о Верещагине, мы прежде всего можем назвать Эмиля Золя. Ниже мы приводим письмо Тургенева к нему, отправленное в связи со второй верещагинской выставкой в Париже в конце 1881 г., и из этого письма явствует, что Тургенев много рассказывал Эмилю Золя о художнике.

В числе других французских писателей и общественных деятелей, которых Тургенев познакомил с творчеством Верещагина, был, видимо, Жюль Валлес. Блестящий журналист, писатель-революционер, член Коммуны, автор книги «Инсургент», Валлес был знаком с Тургеневым и состоял с ним в переписке. Еще в 1877 г., когда находившийся в эмиграции в Лондоне Валлес нуждался в работе, Тургенев, будучи в Петербурге, клопотал об устройстве его корреспондентом газеты «Слово».

Вполне можно предположить, что благодаря Тургеневу работы Верещагина стали известны Валлесу. Вот что Валлес говорил о художнике: «Своей палитрой, своей кистью Верещагин приносит человечеству больше пользы, чем Наполеон со своей великой армией причинил ему зла. Его работа — противодействие тому яду, который на школьных скамьях вливался и еще поныне вливается в наши души: безумию храбрости, исступленности ложного героизма. И чтобы уничтожить эту ложь воспитания, чтобы искоренить зло вековых традиций, он не пытался идеализировать мир в пошлых, безвкусных аллегориях. Он просто восстановил с ужасающей точностью, с эпическим реализмом истинный образ войны: кровь, развалины, пламя, нагую гнусность резни. И за это — воспоминание о нем не изгладится из благодарной памяти народов. Василий Верещагин хорошо послужил человечеству» ⁵⁰.

Еще тогда, когда первая парижская выставка только подготовлялась, Тургенев советовал Верещагину отвезти или отправить в редакции газет и журналов приглашения на ее открытие, что было весьма обычно на Западе. Но так как художник был человеком своенравным, по отзыву Репина «гордым», он отказался последовать совету, и за этот труд взялся Тургенев. Об этом Верещагин сообщал Стасову 25 декабря (н. с.) 1879 г.: «Сам я на выставке не бываю и с поклоном в редакции журналов не ходил и не пойду, что здесь ересь и за что Иван Сергеевич Тургенев, искренне желающий мне добра, попрекал меня». Через день Верещагин вновь писал Стасову: «Я не решился объехать все редакции, зазорно толкаться. Тургенев говорил мне, что послал входные карточки в газеты, но, разумеется, не все откликнулись и пошли смотреть» 51.

Эти слова о Тургеневе, рассылающем приглашения на верещагинскую выставку в Париже, не вызывают ни малейшего сомнения,— ведь несколько недель спустя он проделал нечто подобное и в связи с выходом «Войны и мира» во французском переводе. Приехав в феврале 1880 г. в Петербург, писатель рассказал друзьям, что когда во Франции выходит книга, считается необходимым экземпляров полтораста разослать в разные газеты, журналы и обозрения, а несколько десятков развезти наиболее

известным критикам. «Все это самые обычные приемы издательского дела во Франции, и только при выполнении их, при весьма точном выполнении, делается успех. Переводчица романа "Война и мир" нашла для себя стеснительным принять все эти условия, и все ограничилось тем, что я экземпляров 20 развез более знакомым мне критикам и приятелям, участвующим в разных изданиях» ⁵².

Таким же образом Тургенев действовал и в связи с открытием верещагинской выставки, и надо сказать, весьма преуспел в этом. Конечно, отнюдь не все тогдашние статьи и заметки о Верещагине написаны в результате хлопот Тургенева, но многие из них безусловно были обязаны своим появлением именно ему.

По имеющимся у нас далеко не полным данным, около тридцати парижских газет и журналов отметили на своих страницах эту выставку произведений Верещагина. Кроме «Le XIXe Siècle» и «La République Française», выступили тогда со статьями и заметками о Верещагине следующие периодические издания: «L'Art», «L'Artiste», «Charivari», «Le Constitutionnel», «L'Estafette», «L'Evènement», «Le Figaro», «Le Gaulois», «Gazette des Beaux-Arts», «Gil Blas», «L'Illustration», «Journal des Débats», «Liberté», «Le Monde Parisien», «Le Moniteur universel», «Paris-Murcie», «Le Parlement», «Le Périodique», «La Revue des jeux, des arts et du sport», «Le Siècle», «Le Soleil», «Le Télégraphe», «Le Temps», «La vie moderne». Брюссельская газета «L'Indépendance Belge», пользовавшаяся значительным влиянием в Западной Европе и имевшая большое распространение в России, поместила восторженную статью о Верещагине.

Почти все статьи были весьма положительного свойства, одна лишь газета «France» отнеслась к выставке недоброжелательно.

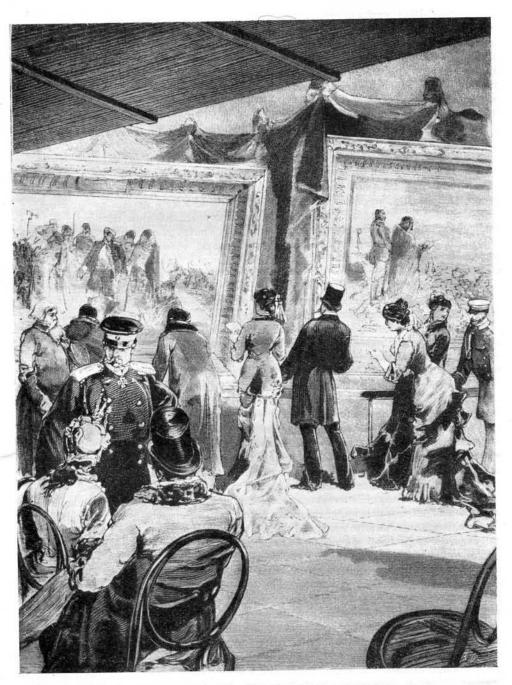
Следует подчеркнуть, что ни с кем из авторов статей Верещагин, видимо, знаком не был; единственное исключение — известный художественный критик Жюль Кларти, связанный с художником узами дружбы еще с осени 1876 года (Кларти был автором предисловия к каталогу парижской выставки).

Уже в первые дни открытия выставки Верещагин имел все основания писать Стасову о том на редкость теплом приеме, какой она встретила у публики. Сообщая в одном из писем, что «художники поголовно восхищаются», в другом Верещагин продолжает: «Успех выставки оказывается огромный; народу очень много, отзывы самые лестные. Сегодня на железной дороге встретил Мейссонье, который будто бы собирался ехать ко мне! Я проводил его по выставке, и его живописное величество осталось в высшей степени довольно, дивилось, восхищалось и проч. Сегодня же художники говорили мне, что выставка моя сделает эпоху (?). Слова révélation, horizons nouveaux, etc.* повторяют все». Верещагин кончает письмо словами: «Мне говорили, что в городе толки о выставке и вашем покорнейшем слуге не переводятся». А вот строки из третьего письма Верещагина: «Так называемый успех (succès) моей выставки растет, как снежный шарик; буквально весь город ею занят, народу валит пропасть. Всех заметок в газетах не собрать». В день закрытия выставки — 4 января (н. с.) 1880 г. — художник оповещал Стасова: «Говорят, выставку мою берут с боя, такая масса народа, что ни входа, ни выхода». И как бы обобщая собственные впечатления о закрывшейся выставке, Верещагин писал Стасову 10 января (н. с.) 1880 г.: «Успех был громадный, какого я не имел и в Питере. Не только самая улица, но и соседние были заставлены линиею экипажей. Не только в самых комнатах, но и на лестнице стояла густая толпа народа. Все соглашаются, что это было "évènement" **» 53.

Действительно, судя по всем данным, успех выставки произведений Верещагина в Париже превзошел все надежды художника, все ожидания Тургенева. То был подлинный триумф. Недаром французское «Agence Théâtrale» предложило художнику собрать все статьи, появившиеся в связи с выставкой, и, как сообщает Стасов, выпустить эти материалы брошюрой, которая составила бы нечто вроде «Dossier de l'Exposition»***54. Другое предложение исходило от критика журнала «Soleil» Э. Кардона, который писал о необходимости создать о художнике «целую книгу, прилагая критические приемы

^{*} откровение, новые горизонты и т. д. (франц.).

^{**} событие (франц.). *** «Дело (досье) выставки» (франц.).

НА ВЫСТАВКЕ В. В. ВЕРЕЩАГИНА В ПАРИЖЕ Гравюра «Всемирная иллюстрация» от 21 февраля 1880 г.

и метод Сент-Бёва, чтобы человек занял в ней такое же место, как и его произведения: они неотделимы друг от друга» 55. В этом предложении не было ничего невероятного: ведь еще до открытия выставки печать сообщила о желании Тургенева написать книгу о художнике. Вот о чем оповестила газета «L'Indépendance Belge»: «Романист Иван Тургенев намеревается рассказать историю г. Верещагина. По правде говоря, жизнь этого живописца-путешественника сама похожа на роман» 56. Теперь, когда мы знаем, как писатель ценил художника, вполне правдоподобно предположение, что у Тургенева могла зародиться такая мысль, и он даже высказал ее, беседуя со знакомым журналистом. Но если такой замысел и существовал, то исполнить его писатель, к сожалению, не смог.

Чтобы завершить наш рассказ о первой парижской выставке произведений Верещагина, следует, хотя бы кратко, сказать об откликах на нее в России.

Во всех статьях и заметках, появившихся в русской печати, неизменно отмечался выдающийся успех, которым пользовалась выставка. Уже в первом кратком отчете, отправленном 7/19 декабря 1879 г. парижским корреспондентом «Нового времени», было сказано, что это «замечательная выставка $\langle \dots \rangle$ нечто до сих пор небывалое: в ней совмещено до 300 картин одного и того же артиста, сотворившего их в $4^1/_2$ года и успевшего в течение этого времени провести два года в Индии, год на Отечественной войне» ^{57} .

Парижский корреспондент «Московских ведомостей», назвав выставку «первой новостью дня», писал: «Французы просто отказываются верить, чтобы художник мог обладать таким плодовитым, неутомимым творчеством» ⁵⁸. Состоя членом «Cercle artistique et littéraire», в котором были экспонированы картины Верещагина, парижский корреспондент газеты «Голос» из разговоров с товарищами по клубу и с критиками сделал такое заключение: «Они чувствовали, что имеют дело с совершенно исключительным художником» ⁵⁹.

Парижским корреспондентом одесской газеты «Правда» был Б. А. Чивилев, близкий знакомый Тургенева, входивший летом 1878 г. вместе с ним, П. Д. Боборыкиным, М. П. Драгомановым и др. в состав русской делегации на Международном литературном конгрессе в Париже. В декабре 1879 г. Чивилев отправил в «Правду» две корреспонденции о Верещагине. В первой, посвященной выставке, было сказано: «Французы в течение трех недель толпились в Cercle St.-Arnaud перед картинами Верещагина. И то были не зеваки, оставившие бульварные бараки, а литераторы, ученые, художники, военные и серьезные ценители и любители искусства». Как выясняется из этой корреспонденции, в каталог выставки не вошло множество этюдов, показанных на выставке: «Кроме картин, помеченных в каталоге, у Верещагина есть еще много набросков, сделанных кистью среди самых событий. Для профана эти наброски — ничто; для самого художника и для знатока они клад, так как в них намечена сцена и колорит, которые память впоследствии уже восстановить не может. И какая заслуга перед историей и искусством писать среди опасностей, крайнего неудобства обстановки и жесточайшей стужи!» Вторая корреспонденция Чивилева примечательна тем, что в ней рассказывается, как Тургенев охотно способствовал желанию журналиста познакомиться с художником. Вот начало этой корреспонденции: «Наш великий художник В. В. Верещагин имел здесь громадный успех и удостоился лестных отзывов почти всех здешних газет и журналов. Я был на его выставке в rue Volney несколько раз и, когда она 4 января была закрыта, то я обратился к Ивану Сергеевичу Тургеневу с покорнейшею просьбою поближе познакомить меня с знаменитым исследователем Туркестана, Индии и Болгарии. И. С. Тургенев сказал мне на днях: "Верещагин любит уединение, но по моей просьбе согласился принять вас; итак, ступайте к нему в понедельник на дачу; но знаете ли вы, как к нему попасть? Он живет в Maisons Laffitte: поезжайте с Gare St.-Lazare по ligne de Normandie; в Maisons спросите Avenue Wagram, на конце которой увидите безобразнейшую статую Наполеона I; за статуей в лесу ферма, а невдалеке большой белый дом Верещагина"». Далее журналист описывает местечко Maisons Laffitte, расположенное на обширной террасе, над Сеною, в северной части роскошного Сен-Жерменского леса, рассказывает о посещении мастерской Верещагина, о беседах с ним 60.

Стасов подробно охарактеризовал в русской прессе то огромное впечатление, которое произвела парижская выставка Верещагина. В те недели он не выезжал из Петербурга, но, переписываясь с Верещагиным и получая от него вырезки статей, посвященных выставке, а также систематически читая иностранные газеты и журналы в Публичной библиотеке, где он служил, был в полной мере информирован о том, какие лавры пожинает в Париже его друг-художник. Трижды Стасов выступил тогда с обзорами отзывов о выставке, знакомя русского читателя с высказываниями французских искусствоведов и критиков о творениях Верещагина. Вот как заканчивалась третья статья Стасова, носившая название «Конец выставки Верещагина в Париже»: «Во время двухнедельной выставки Верещагина в Париже там появилось множество его биографий, портретов: были даже личные воспоминания, напечатанные в газетах. Интереснейшие между этими последними — во-первых, заметки Клареси, уже давно одного из ревностнейших поклонников и пропагандистов Верещагина, а во-вторых, напечатанное в "Монитёре" воспоминание Дика де Лонэ, бывшего в Болгарии во время последней турецкой войны в качестве корреспондента которых-то французских газет, и потому видевшего Верещагина не только в мастерской, но и в лагере и на боевом ноле. Эти последние воспоминания в высшей степени интересны» 61.

Выставку Верещагина посетили и многие деятели русской культуры, находившиеся тогда в Париже. Наиболее содержательный из дошедших до нас отзывов принадлежит М. М. Антокольскому. В письме к С. И. Мамонтову он высказал свои соображения о предстоящей выставке произведений Верещагина в Петербурге и поделился своими впечатлениями о выставке в Париже. Письмо примечательно тем, что разговор в нем ведет профессирнал, выдающийся мастер русского изобразительного искусства: «Нет сомнения, что выставка Верещагина произведет сильное впечатление картинами из последней войны. Тут он теперь как раз хватает за сердце, да и за больные его струны. Тут множество семейств траура еще не сняли, у многих свежо в памяти то, что сни перечувствовали; многие еще не успели дочитать того, что писалось о войне; а тут живо, наглядно, во всей наготе являются передвами все ужасы войны, с отвратительнейшей стороны. Положим, что художники найдут множество недостатков, критики скажут, что он односторонен, но это потом, потом! Лишь когда рана окончательно заживет, Верещагин займет должное место в истории искусства России; но теперь всем достаточно впечатления, одного намека, и сердце защемит от боли, а тогда можно ли думать и рассуждать? Здесь, конечно, не было того, что будет в России, потому что французы отнеслись к этому, как к чужому горю. Не наша, дескать, хата горела, и оттого суд был строже, хотя в общем не разберешь: одни восхваляли его, а друтие - напротив; одни видели в нем замечательный талант, а другие никакого, но общий вывод был тот, что в индийских этюдах он несравненно выше, чем в картинах из войны, и что он слаб в смысле живописи. Зато он оригинален, талантлив и смел» 62.

Письмо другого русского художника о парижской выставке Верещагина мы обнаружили в архиве Александра III, который был тогда великим князем, наследником престола. Автор письма — Боголюбов, называя Верещагина «широким и весьма производительным художником», а его этюды «превосходными», послал каталог парижской выставки наследнику ⁶³. Отклик на это был настолько курьезным, что мы считаем нужным привести его впервые целиком, так как в 1900 г. он был напечатан с купюрой. В письме, и особенно в той части, которая не была напечатана, в полной мере отражено мнение будущего императора о замечательном русском художнике (в приводимой нами цитате выпущенные тогда из текста строки выделены курсивом): «Читая каталог картин Верещагина, а в особенности текст к ним, — писал наследник 21 декабря 1879 г. Боголюбову, – я не могу скрыть, что было противно читать всегдашние его тенденциозности, противные национальному самолюбию, и можно по ним ваключить одно: либо Верещагин скотина, или совершенно помешанный человек/» Незадачливый автор письма счел нужным подчеркнуть жирной чертой слово «скотина». Характерно, что когда еще при жизни Верещагина в издании «Старина и новизна» было решено напечатать связку писем Александра III к Боголюбову, даже этот «исторический сборник» предельно верноподданнического направления не рискнул привести этих слов царственного солдафона, сказанных им по адресу русского художника, получившего международное признание как раз в дни, когда письмо было отправлено Боголюбову в Париж ⁶⁴.

Рядом с этими чудовищными словами завтрашнего императора еще большее впечатление производит появившееся тогда же в зарубежной печати сообщение о замысле Тургенева написать работу о Верещагине. Можно не сомневаться, что если бы она была выполнена, Тургенев дал бы в ней высокую и всестороннюю оценку творчества художника. В первую очередь он подчеркнул бы тот вклад, который Верещагин внес в русское изобразительное искусство, получавшее в ту пору мировую известность. Именно такое заключение можно сделать, ознакомившись с записью беседы, которую писатель, спустя два месяца после закрытия парижской выставки, вел в Петербурге; в дружеском кругу он с чувством огромного удовлетворения сказал об успехе, завоеванном художником в Париже.

В Петербург Тургенев приехал 1/13 февраля 1880 г. В это время Верещагин готовил здесь к открытию выставку своих произведений; 24 февраля она открылась. У нас нет сведений, побывал ли Тургенев на петербургской выставке, но о том, каким вниманием она пользовалась, он слыхал, конечно, и читал в газетах. 4 марта 1880 г., когда в вечерней беседе Тургенев говорил с друзьями о Верещагине, в столичной газете «Голос» появилась заметка: «По собранным нами сведениям, выставка картин Верещагина привлекла в течение масленой недели более 50 000 посетителей...». В беседе шла, в частности, речь об отношении французов к России, к ее культуре. Тургенев поведал своим собеседникам, что он не мог бы лишь увещеваниями и хвалебными словами убедить «французское общество и представителей его» в том, что «посмотрите-де у нас на Руси то или другое вполне хорошо!» И дальше, как гласит запись, Тургенев сказал: «Начиная с того, что подобным приемом расписывания и расхваливания ничего не достигнешь. Представьте себе, что я бы говорил, что вот у нас и то и то в литературе хорошо, и то и то в музыке прелестно, и то и то в художестве и искусстве необыкновенно. Мне бы прежде всего не поверили.

"Дайте нам послушать эту музыку, покажите эти художественные произведения и дайте нам случай прочесть ваши произведения словесности",— вот что мне сказали бы французы на мои все распинания. Вот Вас. Вас. Верещагин,— тот поступил, да и продолжает поступать как следует. Он создал ряд необыкновенно мастерских произведений, выставил их в Париже, заставил сбежаться к себе весь Париж! Париж видел его произведения, говорил и писал о них, и много и искренно восторгался» 65.

В расширенном виде те же мысли Тургенев высказал спустя два с лишним года в письме, с которым он от имени Общества русских художников в Париже обратился к Крамскому как руководителю товарищества Передвижных выставок в связи с возникшим проектом организации выставок картин отечественных мастеров. В этом письме Тургенев положительно отзывается о «Бурлаках» Репина, которые произвели большое впечатление на Всемирной парижской выставке в 1878 г., и снова напоминает о «знаменательном успехе» Верещагина в Париже. «Несомненно то, — писал Тургенев, — что французское общество заинтересовалось русским художеством именно с тех пор как оно получило самостоятельность и выказало оригинальность— стало русским, народным. (То же самое произошло во Франции и с нашей литературой.) Стало быть в этом вопросе нам сомневаться и колебаться нечего. Но это самое и налагает на нас обязанность строгого и беспристрастного выбора». Далее Тургенев предостерегает от таких картин, в которых «воспроизведения народной жизни» находятся, с точки зрения профессиональной, на низком уровне. «Это козыряние, это щеголяние самобытностью, большей частью сопряженное с слабостью техники, и долженствующее служить ей заменою, немедленно бросается в глаза и охлаждает, особенно людей европейских, у которых долгий опыт развил вкус и чутье фальши. Примером могут служить "Бурлаки" Репина, произведения Верещагина, которые имели здесь знаменательный успех, между тем как иные, тоже якобы народные картины, на которые я указывать не стану, потерпели полное фиаско». В заключение Тургенев писал Крамскому: «Извините меня, пожалуйста, что я позволяю себе сообщать вам эти мысли, вам, который, как истинный художник, являете нам пример этого полного достижения; но я подумал, что в среде наших художников выражение этих мыслей могло иметь некоторое значение» 66.

На протяжении нескольких десятилетий жизни за рубежом Тургенев являлся там неустанным пропагандистом и популяризатором русской культуры. Ни один русский писатель не сделал столько, сколько Тургенев, для того чтобы лучшие создания русской литературы, музыки и русского изобразительного искусства стали — по его выражению — «всеобщим достоянием, достоянием всего цивилизованного мира» ⁶⁷. Трогательно звучат в письме к А. Н. Островскому слова Тургенева: «Познакомить Европу с вами — мне вот как хочется» ⁶⁸. В этом благородном деле он не имел себе равных, поэтому его горячее желание сделать на Западе известными выдающиеся творения мастеров русской культуры привело к таким значительным результатам ⁶⁹.

VI

Триумф верещагинской выставки отнюдь не ограничился столицей Франции. Уже в те дни художник получил ряд лестных для него предложений об устройстве выставок его картин во многих городах Западной Европы. Вскоре началось блистательное ществие творений Верещагина по зарубежным странам.

Первая из этих выставок открылась лишь осенью 1881 г. в Вене, так как художник решил довести до конца балканскую серию. Верещагин писал Стасову: «Вы просили, Владимир Васильевич, послать вам все статьи о моей венской выставке pro и contra, но могу, кажется, послать только первые, так как вторых нет <...> Радует меня то, что новые мои картины называют лучшими, - значит, иду вперед, а пе назад». А в следующем письме имеются такие строки: «Что делается на моей венской выставке, Владимир Васильевич, того и пересказать вам нельзя: два раза в день набережная перед зданием Künstlerhaus совершенно запружается народом, проезда и почти прохода нет, выдача билетов прекращается, потому что все галереи и огромная Vestibule полны народом до того, что двигаться невозможно. Ничего подобного в России даже не было как верно, что живопись -- язык всемирный, надобно только хорошо изучить этот язык, чтобы уметь говорить на нем со всеми как следует» ⁷⁰. Выставка в Вене продолжалась четыре недели, и ее посетило 110 000 человек, — это значит, что в среднем на ней ежедневно бывало около четырех тысяч человек,— для того времени цифра огромная 71. Любопытен отклик Антокольского на успех, которым пользовалась венская выставка. «Верещагин гремит, и я от души рад, — писал Антокольский в ноябре 1881 г. Стасову.— Дай бог, чтобы все получили то, чего заслуживают, если не в своем отечестве, то, по крайней мере, на чужбине» 72.

Еще до закрытия выставки в Вене художник начал вести переговоры о новой выставке в Париже. Ему хотелось показать на ней то, чего на прежней не было — наиболее интересные картины туркестанского цикла, вновь написанное из балканской серии. Но переговоры об экспонировании второй выставки в том же помещении, в котором происходила первая, не привели к положительным результатам. «Кажется, не выставлю в Париже, до того туп и рутинен комитет здешнего Cercle», — уведомлял художник Стасова 7/19 ноября 1881 г. Шесть дней спустя Верещагин снова с огорчением извещал Стасова: «Не знаю, выставлю ли новые картины мои в Париже; до того рутинны все эти комитеты артистических кружков, в том числе и моего; художники, составляющие его, просто стесняют нарочно, так что я, вероятно, плюну на них и пошлю картины вместе со всею коллекциею в Берлин, где нанял большое помещение и где буду у себя» 73.

Все же спустя две недели в Париже открылась новая выставка произведений Верещагина; помощь в этом художнику, видимо, оказал Тургенев 74. Именно он, по всем данным, помог получить помещение для выставки,— на этот раз в залах редакции газеты «Gaulois».

Владелец этой газеты, выходец из России, И. Ф. Циоп, бывший профессор физиологии Медико-хирургической академии в Петербурге, уволенный в 1874 г. из-за недовольства им студентов, обосновался в Париже. Женившись на дочери богатого поставщика русской и французской армий, он в средствах не нуждался, и это дало ему возможность разместить редакцию в большом помещении. Тургенев знал его, и хотя их отношения были весьма прохладными, он все же сам или через общих знакомых мог обратиться к Циону с просьбой предоставить несколько зал для выставки 75. И на этот раз Тургенев не ограничился только такой услугой,— он снова сталзаботиться о популяризации новой верещагинской выставки. В эпистолярном наследии писателя пока известен об этом всего лишь один документ, но зато документ весьма красноречивый. Это письмо Тургенева к Эмилю Золя (приводим его в переводес французского):

> Париж, 50, улица Дуэ Четверг, 22 декабря 1881 г.

Мой дорогой друг,

Долго ли еще рассчитываете вы пробыть в Медане и не думаете ли вы вернуться на этих днях в Париж? Я был бы очень рад вас видеть; вместе с тем, мой друг, художник Верещагин, о котором я, кажется, много вам рассказывал, желал бы показать вам некоторые из своих новых картин; они выставлены в настоящее время в редакции «Gaulois».

Напишите мне, если вы в самом деле думаете приехать в Париж, и назначьте мнечас и день, когда бы я мог зайти за вами, чтобы позавтракать вместе и потом пойти осматривать картины.

Дружески жму вашу руку. Засвидетельствуйте мое почтение М-те Золя.

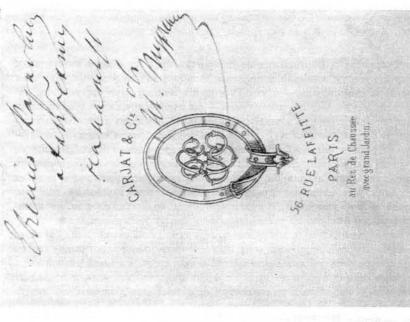
Ваш Ив. Тургенев 76

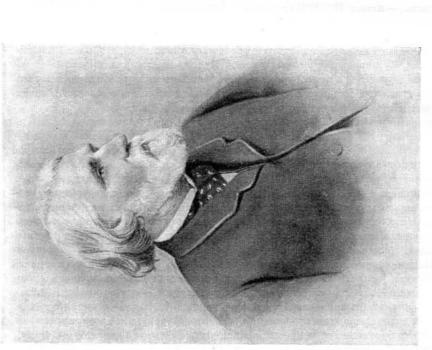
Все письмо Тургенева пронизано желанием упросить своего коллегу и друга поскорее вернуться в столицу, чтобы показать ему работы Верещагина на второй парижской выставке. Тургенев уже тяжело болен, почти каждый день ему нездоровится, и все же он готов пойти в ресторан позавтракать с Золя для того, чтобы затем посмотреть вместе с ним выставку. И все это делалось с целью убедить Золя выступить в печати со статьей о Верещагине. Мы не знаем, состоялось ли это совместное посещение выставки, а если состоялось, то написал ли о ней Золя. Но самый факт такого обращения Тургенева еще раз показывает, как он ценил Верещагина-художника. Нельзя сомневаться, что такого рода письма-просьбы были посланы и другим друзьям и знакомым из парижского мира литературы и искусства.

Если первая верещагинская выставка в Париже была продлена, то вторая закрылась раньше времени. Какая-то доля вины в этом ложилась на самого художника. Вот что он писал Стасову: «Если будут в газетах вздорные толки по поводу моего столкновения с известным доктором Ционом, пожалуйста, сами или через кого-либо восстановите истину. Я нанял у этого господина помещение для моей выставки и имел случай по этому поводу ознакомиться с его грубостью. На днях он был крайне резок с одним моим приятелем, мирным и безобидным человеком, а затем просто нахален со мною (послал меня к чёрту в глаза); тогда я ударил его по роже, два раза, шляною, которую держал в руке; на вытянутый им из кармана револьвер я вынул свой п направил ему в лоб, так что он опустил оружие и сказал, что "он сказал мне грубость по-приятельски" »⁷⁷. Письмо это недостаточно полно выявляет все причины, вызвавшие в конечном результате описанный Верещагиным конфликт ⁷⁸.

Отправлено было это письмо Стасову 15/27 декабря 1881 г. На следующий день Тургенев написал об этом конфликте и о выставке Григоровичу: «Здесь на днях Верещагин поколотил редактора "Gaulois", в залах которого были выставлены новые (весьма замечательные) картины нашего бурного живописца. Этот редактор Mr de Cyon (по нашему Цион, одесский еврей, бывший профессор) — великий мерзавец; но вам лучше всякого другого известно, как трудно "варить пиво" с Верещагиным. Выставку картин закрыли; а жаль — публики ходило много, и они производили великое впечатление.— Впрочем, они отправляются на выставку в Берлин, где наверное будут иметь столько же успеха, как и в Вене» 79.

О том, что новые картины Верещагина действительно «производили великое впечатление» и что выставка привлекла к себе большое внимание, имеется множество свидетельств.

TYPFEHEB

С дарственной надписью на обороте: «Евгению Карловичу Альбрехту на память от Ив. Тургенева» Фотография Э. Каржа, Париж, середина 1860-х годов

Литературный музей, Москва

Что же касается выставки в Берлинс, то она открылась в январе 1882 г., продолжалась в течение 65 дней, и на ней побывало около 150 000 человек. Вслед затем на протяжении того же года произведения Верещагина были экспонированы в Гамбурге, в Дрездене, в Брюсселе, в Будапеште, и все они пользовались огромным успехом 80.

VII

Отношения Тургенева и Верещагина не ограничивались их общим интересом к изобразительному искусству, вниманием писателя к творчеству художника. При всех трудностях характера Верещагина,— а что Тургенев в полной мере ощутил это, явствует из цитированного письма к Григоровичу,— он очень сдружился с писателем. Да и нельзя было не найти общего языка с Тургеневым, особенно в последние годы его жизни. Недаром Репин говорил о Тургеневе: «Основная черта его характера — необыкновенная доброта и мягкость» 81. Как бы в подтверждение этого Верещагип вспоминал: «Тургенев принимал посещавших его с замечательною любезностью и предупредительностью; даже и больной, всегда с участием расспрашивал о работах настоящих и будущих; о себе говорил скромно, откровенно, своим тоненьким голосом, сопровождая слова доброю улыбкою». И далее: «Впрочем, не только словом, но и материальными средствами помогал он решительно всем, кто к нему обращался» 82.

Верещагин с присущей ему лаконичностью пишет в своих воспоминаниях, что был у Тургенева «несколько раз»; вернее следовало сказать, что он нередко бывал гостем в доме писателя. Верещагин многое видел здесь; в частности, он имел возможность наблюдать домашнее окружение, в котором не очень радостно проходили последние годы жизни писателя. Хотя об этом он ни словом не обмолвился в печати, но многое рассказывал знакомым.

«Я не знаю,— пишет П. Д. Боборыкин о Верещагине,— сохранились ли после него дневники, заметки или письма на эту тему, но он не стеснялся всем своим знакомым, в том числе и мне, повторять то, что Тургенев — жертва своего закрепощения "гишпанке"... И он (Верещагин) не иначе говорил и о ней самой, и обо всем парижском "антураже" Тургенева как в самых резких, беспощадных выражениях» ⁸³.

Верещагин встречался в доме Тургенева с интересными людьми, он присутствовал на чтении писателем собственных произведений, слышал то, что тот говорил о своих литературных замыслах, так и оставшихся неосуществленными.

Единственный мемуарный очерк Верещагина о Тургеневе, упоминающийся в тургеневской библиографии, вошел в книгу «Очерки, наброски, воспоминания», выпущенную художником в 1883 г. в Петербурге. Между тем в том же году эта книга вышла на французском языке в Париже. В ней содержатся два мемуарных сообщения, в русском издании (очевидно, по цензурным причинам) отсутствующие. В первом идет речь о встрече у Тургенева с П. Л. Лавровым. Вот текст этого отрывка (в переводе с французского): «Лавров, хорошо известный оригинал, недавно высланный из Франции, находился в комнате, когда я пришел с визитом. После его ухода Тургенев просил меня никому не говорить, что я его видел, и рассказал мне о любопытной черте французской администрации. Лавров был выслан из Франции, по после его энергичных протестов префект полиции обратился к Тургеневу и спросил его мнение о нем; Тургенев ограничился сообщением того, что знал: Лавров — безобиднейший из людей, хотя его склонность к крайним идеям легко увлекает его. "Мы вам верим", — сказал префект, и Лаьров получил разрешение тайно вернуться во Францию» 84.

В русском издании своих воспоминаний Верещагин говорит, что Тургенев «помогал деньгами многим из молодежи, вынужденной покинуть Россию и проживать в Париже, как выражался один из этих молодых людей, на нигилячем положении. (Я обратил внимание Ивана Сергеевича на это характерное выражение, и он много смеялся ему)» 85. Оказывается, вслед за этими строками был абзац, сохранившийся во французском издании: «Помощь, которую он оказывал эмигрантам, его образ мыслей — свободный и независимый, и особенно опубликование в "Тетрв" рассказа молодого человека, по недоразумению проведшего в тюрьме четыре года,— все это в глазах аристократических кругов С.-Петербурга делало Тургенева красным республиканцем. В 1880 г.,

воспользовавшись каким-то поводом, он с явным смущением сообщил мне, что его навестил князь Орлов и передал приказ вернуться в Россию. Я был искренно убежден, что это ровно ничего не значит и значить не может; я это утверждал с уверенностью, но помню, что тревога его не исчезла окончательно. Действительно, никто в Петербурге его не беспокоил и приказ, полученный им, был безусловно только предупреждением» 86.

12 ноября 1879 г. в газете «Тетр» были напечатаны очерки И. Я. Павловского «В одиночном заключении. Впечатления нигилиста» с предисловием Тургенева. Оно вызвало ожесточенные нападки на писателя как в правительственных сферах, так и в реакционной печати. «На меня в Питере (в самых высших кружках) стращно озлобились за мое предисловьице, в котором я, однако, объявил, что нисколько не разделяю образа мыслей гг. революционеров и рекомендую рассказ только с точки зрения психологической и, пожалуй, художественной, тем более, что в нем ничего нет политического, — писал Тургенев 25 ноября (н. с.) 1879 г. Анненкову. Далее идет речь о русском после в Париже. — Кн. Орлов объявил мне, что я совсем испортил этим мое положение — хотя положение это никогда не было блестящим — в его смысле» 87. А 9/21 декабря в «Московских ведомостях» появилась провокационная статья, в которой был приведен перевод предисловия Тургенева, а сам он обвинялся в связях с русскими революционерами. Это вынудило Тургенева выступить 29 декабря (с. с.) в петербургской «Молве» с открытым письмом, в котором он дал достойный ответ «Московским ведомостям». Все эти неприятности, постигшие Тургенева, происходили в дни, предшествовавшие открытию первой верещагинской выставки в Париже, и в дни самой выставки, когда Тургенев всеми силами стремился способствовать ее успеху. Это еще одно красноречивое свидетельство того, как Тургенев ценил Верещагина и его творения.

Вот другое, в литературе о писателе также не отмеченное, мемуарное произведение Верещагина, в котором упоминается об одной его встрече у Тургенева. Рассказывая в автобиографической книге «Детство и отрочество художника В. В. Верещагина» о том, что в молодые годы его, ученика кадетского корпуса, спас от смерти доктор Ланге, Верещагин далее пишет: «Не могу не упомянуть при этом случае, что, придя раз в 1881 году в Нетербурге к Ивану Сергеевичу Тургеневу, я застал у него этого Ланге, очень поседевшего, но чертами лица почти не изменившегося. Прежде чем Тургенев выговорил его имя, я уже повис у удивленного доктора на шее. Когда дело объяснилось, Ланге прослезился от приятного сознания, что его доброе дело не забыто. "Помню, помню, — говорил он, держа меня за руки и ласково смотря в глаза, — хорошо помню! А прошло с тех пор около тридцати лет! " Даже скептик Иван Сергеевич умилился от такой встречи старых знакомых» 88.

Тургенев, находясь в Париже, написал Верещагину следующую записку:

50, rue de Douai Paris 2-го янв(аря 18)82

Любезный Василий Васильевич,

Позвольте рекомендовать вам нашего соотечественника Л. К. Буха, который весьма желает с вами познакомиться.

Дружески жму вам руку.

Ив. Тургенев⁸⁹

(На конверте:) В. В. Верещагину От Тургенева

В записке идет речь о молодом экономисте, принимавшем в 70-х годах участие в революционном движении, который затем эмигрировал в Париж и, по-видимому, оказался здесь «на нигилячем положении». В связи с чем Буху понадобился Верещагин — нам неизвестно.

Безусловно существовали и другие письма Тургенева к Верещагину. Косвенное свидетельство об этом можно найти в воспоминаниях художника. Утверждая, что «после оваций, которыми Ивана Сергеевича встречали и провожали в Москве и Петербурге (имеются в виду его приезды в 1880 и 1881 гг.), он стал немножко важнее», Верещагин далее говорит: «В письмах его многоуважаемый заменился любезным».

²¹ Литературное наследство, т. 73, кн. первая

Только что приведенная записка как раз и начинается обращением «любезный». Значит, были письма, в которых Тургенев обращался к Верещагину иначе. Но так как вскоре после гибели художника его архив распылился, то вполне можно было бы предположить, что письма Тургенева к Верещагину лишь затерялись.

Но, по-видимому, их постигла более горькая судьба: в мемуарной литературе о Верещагине нам встретилось свидетельство о том, что связку писем Тургенева Верещагин уничтожил. Об этом со слов художника сообщил в воспоминаниях о нем П. А. Сергеенко. Описывая свою встречу с Верещагиным в 1899 г. на берегу Черного моря, мемуарист рассказывает:

«Как-то вечером, мирно беседуя в Георгиевском монастыре с Верещагиным на его небольшой, занавешенной парусиной террасе, заговорили о русской литературе. Верещагин страстно любил русскую литературу и с особенной ноткой в голосе начал говорить о Тургеневских "Записках охотника". Я вспомнил, что Верещагин был некогда близок с тургеневым и между ними существовала дружеская переписка. Когда я спросил об этом Верещагина, он с обычной непринужденностью сообщил мне неожиданные вести.

Да, было все это. И дружеские отношения были, и переписка существовала. Целая пачка тургеневских писем была. Вот такая. Но все они уничтожены. Сознательно уничтожены. Почему? Так вышло. Верещагина потянуло однажды пересмотреть тургеневские письма. Начал просматривать их. И что ни письмо, то: "любезный Верещагин", "любезный Василий Васильевич". И все—"любезный", "любезный"... Что за дворянская манера обращения! Какой он "любезный"? Взял Верещагин и разорвал на клочки все письма Тургенева. Я был ошеломлен признанием Василия Васильевича и через некоторое время спросил: "И вам не жаль, что вы сделали это?" Верещагин пожал плечами. "Что же теперь сожалеть об этом?" Но мне послышалось, что в его жестковатом голосе задрожала грустная нотка» 90.

У П. А. Сергеенко репутация мемуариста добросовестного, точно излагающего факты,—так расцениваются, в частности, его воспоминания о Л. Н. Толстом, которого он близко знал. Поэтому нет оснований не верить его сообщению о судьбе связки писем Тургенева к Верещагину.

О встрече с Верещагиным на квартире Тургенева в 1882 г. в Париже вспоминает писательница А. А. Виницкая ⁹¹. Быть может, это было в тот день, когда художник принес Тургеневу показать альбом с оригиналами туркестанских рисунков. «Альбом показывал Тургеневу и Claretie, оба они в восторге,— писал Верещагин 1 мая 1882 г. из Парижа Третьякову.— Прилагаю несколько строк Claretie по этому поводу. Вам они будут вероятно интересны как искреннему любителю искусств» ⁹².

В своих воспоминаниях гравер В. А. Бобров рассказывает, что знакомством с писателем он был обязан Верещагину: «В 1880 году я гравировал портрет В. В. Верещагина и мне нужно было получить подпись его для факсимиле. Василий Васильевич был тогда в Петербурге, по случаю выставки его картин из последней войны <...> Я показал ему гравированный его портрет и объяснил ему свое намерение заняться гравированием портретов русских художников (...) Василий Васильевич одобрил мою идею, но тотчасже заметил: "Зачем вы ставите в такие узкие рамки это дело? Отчего вы не хотите помещать в числе художников также поэтов, литераторов, музыкантов, например, А. Г. Рубинштейна, ведь он тысячу раз более художник, чем мы с вами! А И. С. Тургенев! — разве это не величайший художник? Их можно поставить во главе русских художников (...)—Вы знакомы с Иваном Сергеевичем?—спросил он меня и продолжал:— Хотите, я вас познакомлю с ним; он теперь здесь, поедем к нему тотчас же; я уверен, что Иван Сергеевич не откажет дать свою фотографию или же сняться "<...> Было около 11 часов утра, мы застали его за чайным столом, перед небольшим самоваром. Я был представлен Ивану Сергеевичу и радушно встречен им. Отношения между Василием Васильевичем и Иваном Сергеевичем были, казалось, самые близкие, дружественные. Мы были приглашены выпить стакан чаю, и Иван Сергеевич сам разливал его. Я внимательно всматривался в мощную, прекрасную фигуру, цветущее свежее лицо, оттепенное мягкими серебристо-белыми густыми волосами и бородой; серебристая прядь

волос с левой стороны лба грациозно и мягко взвивалась в виде буквы Г, доходя до брови. От внешних углов глаз тянулись очень определенные тени складок; таких я ни у кого никогда не замечал; эти складки играли большую роль в приятности выражения его лица. Губы были замечательно красного цвета. Темой разговора была выставка Верещагина. Иван Сергеевич рассказывал о нападках на Василия Васильевича, которых он был свидетелем за обедом у какого-то важного лица, и с восторгом говорил об одной девушке, вступившейся за Верещагина и отстаивавшей его против этих нападок; он был поражен неожиданностью этой защиты и силой ее. При нас, затем, была принесена бронзовая статуя Пушкина работы г. Опекушина. Иван Сергеевич внимательно рассматривал ее и делал критические замечания. Он рассказал, как он встретился с Пушкиным; сам встал и прислонился спиною к портьере у дверей, и показывал, как Пушкин стоял, склонив голову, и покусывал свои баки, как потом, заметив Ивана Сергеевича, большими шагами направился к нему. Затем говорилось о Куинджи. Иван Сергеевич, видимо, интересовался им. Наконец, относительно моего дела выразил полное сочувствие, показывал свои фотографические карточки и одну из них, работы Левицкого, правившуюся ему (сидячая поза, с палкой в руке, лежащей на коленях). он подарил мне. Василий Васильевич находил, что она не вполне удовлетворительна, и просил Ивана Сергеевича не отказать пойти со мною к фотографу, чтобы я сам выбрал выгодную для гравюры позу. Иван Сергеевич согласился на это и назначил мне зайти к нему через два, три дня. Это было мое первое свидание и знакомство с нашим великим писателем» 93.

Из других людей, с которыми Верещагин познакомил Тургенева, оставил воспоминания брат художника — А. В. Верещагин. Он пишет об их общей встрече в 1881 г. в одном парижском ресторане ⁹⁴.

Ярко описал В. В. Верещагин чтение Тургеневым рассказа «Отчаянный». Считая, что «по силе образности и типичности» рассказ далек от «Записок охотника», Верещагин далее пишет: «Этот же самый рассказ я слышал из уст Ивана Сергеевича, и он произвел на меня несравненно большее впечатление, чем в чтении. Я знал, что Тургенев хорошо рассказывает, но в последнее время он был всегда утомлен и начинал говорить как-то вяло, неохотно, только понемногу входя в роль, оживляясь. В данном случае, когда он дошел до того места, где Мишка ведет плясовую делой компании нищих, Иван Сергеевич живо встал с кресла, развел руками и начал выплясывать трепака, да ведь как выплясывать! выделывая колена и припевая: тра-та-та-та-та-та три-та-та! Точно сорок лет с плеч долой; как он изгибался, как поводил плечами! Седые локоны его спустились на лицо, красное, лоснящееся, веселое. Я просто любовался им и не утерпел, захлопал в ладоши, закричал: "браво, браво, браво!" И он, повидимому, не утомился после этого, по крайней мере, пока я сидел у него, продолжал оживленно разговаривать; между тем, это было очень незадолго до того, как болезнь "схватила его в свои лапы", как он выражался. Зная теперь, что уже и в то время два позвонка у него были подточены раком, я просто с удивлением вспоминаю об этом случае» 95.

Нам представляется, что дату чтения Тургеневым рассказа «Отчаянный» можно установить довольно точно. В ноябре 1881 г. в Париже рассказ был закончен. В эти дни там как раз и началась подготовка второй выставки произведений Верещагина, поэтому встречи писателя и художника были частыми. В одну из таких встреч в конде 1881 г. или в начале 1882 г. Верещагину и посчастливилось присутствовать на чтении рассказа. Напечатан он был в первой книжке «Вестника Европы» 1882 г.

Именно тогда Верещагин, по-видимому, услыхал о замысле нового большого романа Тургенева. Верещагин пишет в своих воспоминаниях: «Что Тургенев собирался писать и уже начал большой труд, это я узнал сначала от приятеля его, известного немецкого критика, Пича, а потом также и от него самого; теперь, уже после его смерти, я слышал, что задумывался роман с отзывом на движение мысли русской молодежи последнего времени: русская образованная девушка, в Париже, встречается и сходится с молодым французом, радикалом, но впоследствии покидает его для оставившего свое отечество представителя русского радикализма, воззрения и убеж дения которого на одни и те же вопросы резко разнятся от французских...» ⁹⁶.

Тургенев рассказывал многим о своем замысле, который относится еще к 1879 г. Среди тех, кому Тургенев это рассказывал, были Людвиг Пич, которого упоминает Верещагин, Лавров, Вильям Рольстон, Н. Н. Златовратский,— и все они оставили в своих воспоминаниях сведения о замысле большого романа и утверждали, что Тургенев даже приступил к его написанию. Подробное сообщение по этому поводу имеется в воспоминаниях Павловского, который даже называет фамилию революционера (Н. В. Чайковского), послужившего прототипом героя романа (по другим сведениям прототипом был П. С. Поливанов) ⁹⁷. Свидетельство Верещагина, как и других мемуаристов, дает возможность реконструировать сюжетные линии романа, самого значительного среди неосуществленных литературных замыслов Тургенева. По-видимому, именно это задуманное им произведение писатель имел в виду, когда писал из Парижа 21 ноября (н. с.) 1881 г. Ж. А. Полонской: «О романе еще не думаю, хотя о нем уже пропечатали в нескольких английских и немецких газетах» ⁹⁸.

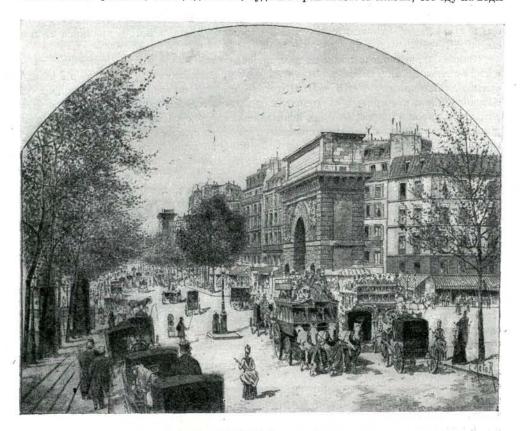
Трудно предположить, чтобы Верещагин — превосходный рисовальщик — не пытался зарисовать Тургенева. О том, что такие зарисовки были, свидетельствует репродукция одной из них, исполненная гравюрой и воспроизведенная в воспоминаниях Верещагина о Тургеневе ⁹⁹. Но, к сожалению, в известной части творческого наследия художника нет ни одной зарисовки, изображающей писателя.

Трогательное внимание Верещагин оказывал Тургеневу в последние годы его жизни. Он нередко посещал больного, тяжело переживая его угасание. Когда Стасов спросил художника в апреле 1882 г. о здоровье писателя, тот ответил: «Тургенев был очень болен, но теперь ему лучше. По крайней мере, я думаю, что он поправился»¹⁰⁰. В действительности же это было начало тяжелой болезни Тургенева, которая через год с небольшим довела его до смерти. Сохранился рассказ Верещагина об одной из его бесед с Тургеневым: «Весною 1882 г. я был очень болен и слышал, что Тургенев заболел весьма серьезно. Как только я встал к лету на ноги, поехал к нему в rue de Douai. Еще с лестницы, помню, кричу ему: это что такое! как это можно, на что похоже так долго хворать! — Вхожу и вижу ту же ласковую улыбку, слышу тот же тоненький голос. — "Что же прикажете делать, держит болезнь, не выпускает". Иван Сергеевич был положительно не изменившись с того дня, что я видел его танцующим, и это ввело меня в заблуждение; я был твердо уверен, что он выздоровеет, и говорил это тем, кто меня расспрашивал. Тургенев был очень оживлен и, несмотря на то, что жаловался на постоянные и очень сильные невралгические боли в груди и спине, просил посидеть, не уходить, бойко рассказывал, приподнявшись на постели, много смеядся. Помню, что речь зашла, между прочим, о литературе, его работах. Иван Сергеевич, высказывая, между прочим, высокое уважение к таланту Л. Толстого, выразился так: "чего у Толстого недостает, так это поэзии, она совершенно отсутствует во всех его произведениях ". Я не мог не сказать, что с этим не согласен, и для примера привел высокопоэтические создания: "Казаки", "Поликушка" и др. Тургенев, кажется, остался при своем,хотя не спорил».

Спустя несколько недель Верещагин вновь хотел навестить Тургенева, но не мог этого осуществить. «Зайдя раз в rue de Douai, я написал и послал наверх несколько елов, в которых осведомлялся о здоровье, но слуга принес мою записочку назад! "Г-н Тургенев лежит, читать не в состоянии, да и шторы у него спущены, он просит сказать ваше имя",— я понял, что дело неладно и ушел, чтобы не беспокоить» 101.

В ноябре 1882 г. Верещагин уехал в Индию, там он пробыл пять месяцев. После этого некоторое время он жил в Москве, где была организована выставка его произведений. Лишь в июле 1883 г. он приехал в Париж. Здесь он встретил А. Ф. Онегина, который сказал ему, что не только месяцы, но и дни писателя сочтены. «Я поехал в Буживаль,— пишет Верещагин,— где он тогда был; дорогою образ его еще рисовался мне таким, как и прежде, но когда, думая начать разговор по-старому, шуткою, я вошел — язык прилип к гортани: на кушетке, свернувшись калачиком, лежал Тургенев, как будто не тот, которого я знал,— величественный, с красивою головою,— а какойто небольшой, тощий, желтый, как воск, с глазами ввалившимися, взглядом мутным, безжизненным. Казалось, он заметил произведенное им впечатление и сейчас же стал говорить о том, что умирает, надежды нет и проч. "Мы с вами были разных характеров,—

прибавил он,— я всегда был слаб, вы энергичны, решительны... Слезы подступили у меня к глазам, я попробовал возражать, но Иван Сергеевич нервно перебил: "Ах, боже мой, да не утешайте меня, Василий Васильевич, ведь я не ребенок, хорошо понимаю мое положение, болезнь моя неизлечима; я страдаю так, что по сту раз на день призываю смерть. Я не боюсь расстаться с жизнью, мне ничего не жалко, один-два приятеля, которых не то что любишь, а к которым просто привык (...)". Он расспрашивал о моих работах, о том, где я был, куда намерен ехать. Я сказал, что еду на воды

ПАРИЖ. ВОРОТА И БУЛЬВАР СЕН-МАРТЕН Раскрашенная гравюра на альбома: «Paris. Trente vues». Paris., s. a.

и приду к нему через месяц. "Даю вам месяц сроку; если в этот срок не поправитесь — берегитесь, со мною будете иметь дело!" Иван Сергеевич улыбнулся этой угрозе. — Придете через месяц, через три, через шесть, застанете меня все в том же положении» 102.

Спустя месяц Верещагин снова посетил Тургенева в Буживале. Он увидел его в постели, пожелтевшим и осунувшимся. И все же Тургенев нашел в себе силы побеседовать с художником. «Иван Сергеевич как-то особенно внимательно расспрашивал меня обо всем»,— вспоминал об этой беседе Верещагин 103. То был их последний разговор. Когда художник через десять дней вновь приехал в Буживаль, Тургенев уже находился в агонии. Описывая его предсмертные мучения, парижский корреспондент «Нового времени» сообщал: «Часу в двенадцатом в комнату взошел неожиданно Василий Васильевич Верещагин и зарыдал, пораженный состоянием умирающего» 104.

Верещагин был в числе тех, кому отправили телеграмму с извещением о кончине Тургенева $^{10.5}$. Имя художника выгравировано среди имен представителей русской колонии в Париже, возложивших серебряный венок на гроб великого писателя ^{106} .

«Народным горем» назвал Верещагин смерть Тургенева.

VIII

Чтобы исчерпать тему «Тургенев и Верещагин», необходимо рассказать и о том, как художник относился к творчеству писателя.

О первых произведениях Тургенева, ставших ему известными, Верещагин говорит в воспоминаниях: «Я прочитал и перечитал сначала "Записки охотника", а затем и все его повести и романы» (имеются в виду «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отпы и дети», вышедшие в годы молодости Верещагина) 107. На вопрос Стасова, что ему нравилось в русской литературе, Верещагин ответил: «На "Записках охотника" забыл сон и еду; помню, что всю книгу съел в несколько часов, а потом принялся за нее снова» 108.

Самое большое впечатление из всех произведений Тургенева на Верещагина произвели «Отцы и дети». В том же ответе Стасову имеется такая фраза: «"Отцов и детей считаю лучшей вещью Тургенева». Подробнее Верещагин написал в воспоминаниях: «Случилось так, что критику Антоновича на "Отцов и детей" я прочел раньше самого романа, и хорошо помню, что она показалась мне пристрастною; когда же прочитал роман, то был поражен односторонностью и узкостью суждений рецензента. Впечатление, произведенное на меня этим романом, было громадно. С тех пор я перечитал его не один раз и постоянно открывал новые красоты, новое мастерство, каждый раз удивлянся беспристрастию автора, его уменью скрывать свои симпатии и антипатии. Не только главные лица, но и второстеденные, означенные всего несколькими штрихами, — живые люди, намеченные гениальным художником» 109.

Иначе отнесся Верещагин к «Нови». Роман появился в январской и февральской книжках «Вестника Европы» 1877 г. Художник в это время жил в Париже, и десь он получил от Стасова письмо с отзывом о «Нови»: «Новый роман Тургенева в "Вестнике Европы" "Новь" — старческий лепет. Все либо плоско, либо фальшиво. Всего лучте еще пейзажики и амурности. Но, разумеется, большинство барынь тает и млеет, как от всякого романса. Ведь Тургенев не более как автор романсов и аксарелист. Я это ему самому говаривал не раз в глаза. А нынче он и прежнее-то на ³/₄ растерял» ¹¹⁰. Происхождение такого пристрастного отаыва можно понять, если иметь в виду несходство взглядов Тургенева и Стасова на кардинальные вопросы эстетики. Здесь мы не будем останавливаться на резком различии их воззрений на искусство и литературу, интересующихся отсылаем к нашей работе «Репин и Тургенев», где эти вопросы подверглись детальному разбору 111. В воспоминаниях о Тургеневе Стасов подробно поведал о причинах «постоянного антагонизма», существовавшего между ними. Тургенев решительно утверждал: «верный критериум того, что я люблю и что я ненавижу», всегда был таков: «абсолютно противоположное мнение В. В. Стасова». В известном стихотворении в прозе «С кем спорить?» Тургенев, перечисляя всех тех, с кем спорить можно,— «спорь даже с глупцом!»— заканчивал свои советы шутливым предостережением: «не спорь только с Владимиром Стасовым». Что же касается «Нови», то в романе Тургенев заостренно-иронически отразил свои споры со Стасовым, и это задело критика за живое (в «Нови» писатель вывел Стасова в резко карикатурном виде под именем Скоропихина, «нашего всероссийского критика, эстетика и энтузиаста»). Правда, Стасов неоднократно отзывался о Тургеневе как о замечательном мастере, даже в разгар их споров называя его «талантливый писатель, но старый маркиз» ^{112} , в данном же случае не сумел дать верной оценки роману.

Получив письмо Стасова, Верещагин ничего не мог сказать о «Нови», так как еще не прочел ее. Тем не менее в ответном письме он счел нужным взять писателя под защиту: «Я считаю Тургенева более чем "автором романсов и акварелей". Он способен вести действия, оканчивать, что немалая заслуга, в особенности у нас, что такие тузы, как Гоголь, Грибоедов и многие другие, сумели дать лишь превосходные типы и крепко осеклись на том, что они задумали построить, воссоздать из своих ярких и талантливых этюдов. Что Тургенев немного легок — это правда» (в подстрочном примечании Верещагин прибавил: «Впрочем, картины хороши и у Гоголя») ¹¹³. Лишь через два года — в начале 1879 г. — художник ознакомился с «Новью», и в письме к Стасову высказал свое отношение к роману: «На днях прочитал "Новь" Тургенева — это такая чушь, та-

кая бездарность и пошлость, что я читал, и злился, и ругался». Но, видимо, самого Верещагина огорчал такой жестокий приговор, поэтому он закончил фразу так: «а в прежних его вещах есть удивительно высокоталантливые вещи» 114.

Свое мнение о «Нови» художник высказал также и в воспоминаниях о Тургеневе: «"Новь" мне очень не понравилась; еще в первой части многое натурально и типы верны; но вторая часть, очевидно, писалась не по наблюдениям, а по каким-нибудь, из третьих рук добытым, сведениям и догадкам. Признаться, я просто бранился, читая эту вторую часть. Не то, чтобы сюжет шокировал — нимало; я полагаю, что все в руках большого таланта может быть предметом художественного изображения; необходимо только, чтобы этот большой талант знал предмет, о котором пишет» ¹¹⁵.

Не смог Верещагин оценить в полной мере и произведения, созданные Тургеневым в последующие годы. Вот что он пишет о них: «Судя по последним работам, включая сюда и "Клару Милич", надобно думать, что вряд ли талант автора "Отцов и детей" поднялся бы до прежней высоты. Конечно, встречается и в последних вещах много прекрасных мыслей, мастерских набросков, но, в общем, все-таки создания не имеют ни прежней тихой, ласкающей прелести, ни прежней свежести, нерва жизни. Впечатление небольших его вещей, например, "Стихотворений в прозе", по большей части удручающее; так и слышится везде фраза, сказанная им мне однажды на вопрос, каково состояние его духа: "Начинаю чувствовать глухой страх смерти!"» 116

Вспоминая об одном разговоре с Тургеневым, Верещагин писал: «...он был несправедлив, отводя себе слишком скромное место в среде русских писателей». И в подтверждение своих слов добавил: «Образованием своим Тургенев положительно выше всех писателей-художников. Силою таланта, может быть, уступает некоторым, но полнотою, высотою творчества следует непосредственно за Пушкиным и Л. Толстым (...) Удаются Тургеневу не те или другие излюбленные им типы, а все, и пошлые и порядочные, и умные и глупые, и отцы и дети — все одинаково правдивы и рельефны. Повторяю, такое полное высокое творчество, как мне кажется, встретишь не у многих: кроме Пушкина плыва Толстого, разве еще у Лермонтова, в его прозе» 117.

В беседе с приятелем А. В. Жиркевичем Верещагин подробнее высказал свое мнение об исключительно широком круге интересов Тургенева и его замечательной образованности. Жиркевич вспоминает: «Говоря о писателях, Верещагин указывал как на "образованного писателя"— в смысле систематичности образования— на Тургенева, которого знал он лично, противопоставляя ему в этом отношении графа Л. Н. Толстого... Тургенева считал он талантливым, начитанным человеком, отрицая последние качества в графе Толстом» ¹¹⁸.

И, наконег, сын художника, инженер Василий Васильевич Верещагин, ныне живущий в Чехословакии, рассказал нам следующее: «Когда отец говорил об Иване Сергеевиче, в словах его чувствовалась какая-то особенная теплота. У нас в доме за Серпуховской заставой в Москве висел большой портрет Тургенева (гравюра). Я хорошо знал, кто это. Помню, как отец, поднимая с пола поближе к портрету мою младшую сестру Лиду, говорил ей: "Вот это Иван Сергеевич Тургенев, русский писатель! Помни!", и в голосе его было столько теплоты, что, мне казалось, он говорит не о чужом, а об очень близком ему человеке».

Таковы в основном те данные, которыми мы располагаем для характеристики отношения Верещагина к Тургеневу и его творчеству. Они дают основание утверждать, что Тургенев, которого Верещагин называл «величайшим художником», «гениальным художником» и которого глубоко ценил и уважал, навсегда остался для него одним из самых замечательных русских писателей,

Похороны Тургенева состоялись 27 сентября (9 октября) 1883 г. на Волковом кладбище в Петербурге. А немного позже в столице была экспонирована новая большая выставка произведений Верещагина.

Были люди, на которых оба эти события произвели громадное впечатление и как-то объединились в их сознании. В числе таких людей был семнадцатилетний Александр Ильич Ульянов. Окончив летом 1883 г. с золотой медалью симбирскую гимназию

он приехал в столицу и поступил на естественный факультет Петербургского университета. Вот как вспоминает те дни его старшая сестра Анна Ильинична, также находившаяся тогда в Петербурге:

«По праздникам с начала осени мы отправлялись с Сашей осматривать какиенибудь достопримечательности Питера, особенно в первый месяп, прожитый с ним вместе на Песках (...) Чуть ли не первым нашим впечатлением были похороны привезенного из-за границы тела И. С. Тургенева. Вся погребальная процессия была сжата тесным кольдом казаков. На всем лежал отпечаток угрюмости и подавленности. Ведь опускался в землю прах неодобряемого правительством "неблагонадежного" писателя. На его трупе это показывалось самодержавием очень ясно. Помню недоуменно тягостное впечатление нас, двух юнцов. На кладбище пропускали немногих, и мы не попали в их число. Потом попавшие рассказывали, какое тяжелое настроение царило там, как наводнено было кладбище полицейскими, перед которыми должны были говорить немногие выступавшие...

Осмотрев город с внешней стороны, мы отправились раз в Эрмитаж (...) Общее настроение тогдашней молодежи, враждебное всякому "чистому искусству", не благоприятствовало нашему пониманию его. Особенно, конечно, это имело отношение к Саше. Зато ему очень понравилась и произвела на него большое впечатление выставка картин Верещагина из эпохи войны с Турцией 1877—1878 гг. Для современных читателей скажу, что картины этого художника, цензурные каждая в отдельности, взятые вместе (в ансамбле) были сплошным криком против войны, и именно так и были восприняты тогдашним обществом. Панихида священника над бесконечным полем, усеянным трупами; вошедшее в поговорку: "На Шипке все спокойно!" (фигура часового, постепенно заметаемого снегом, — в трех видах) и другие оставляли подавляющее впечатление, зажигали протест против войн и их виновников и в тех, кто был далек от такого протеста. Что же сказать о Саше? Как и в детстве, он мало высказывался, но каждый из нас, -- я или товарищи, -- чувствовали при своих возмущенных излияниях молчаливую поддержку в его сосредоточенно мрачном виде. Впечатление, производимое выставкой на общество, заставило правительство спохватиться и закрыть ее» 119.

Взаимоотношения Тургенева и Верещагина — небольшая, но яркая страница из истории передовой русской культуры прошлого века. Содружество писателя и художника, их деятельность за рубежом немало способствовали международной известности и признанию лучших достижений русского искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, І. 1871—1876. Письма подготовлены к печати и примечания к ним составлены А. К. Лебедевым и Г. К. Буровой. Под ред. А. К. Лебедева. М.—Л., 1948, стр. 92.
² Статья перепечатана в изд.: В. В. Стасов. Собр. соч. СПб., 1894, т. I,

отд. 2, стб. 499—506 (здесь опибочно указано, что в «С.-Петербургских ведомостях» статья появилась 19 мая).

3 Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, І. 1874—1878. Письма подготовлены к печати и примечания к ним составлены А. К. Лебедевым и Г. К. Буровой. Под ред. А. К. Лебедева. М., 1950, стр. 14. ⁴ И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, I, стр. 90.

⁵ Там же, стр. 93.

⁶ Фельетон «Столичные толки. За чайным столом», за подписью «Г о с т ь».— «Всемирная иллюстрация», 1874, № 273, 23 марта, стр. 206; № 275, 6 апреля, стр. 239.

7 «Ты спрашиваеть меня, что я делаю? — отвечал Полонский Тургеневу 12 марта 1874 г. из Петербурга.—Пишу сплеча фельетоны в "Иллюстрацию" по 6 копеек за строчку— в надежде заработать в месяц руб. 50 на квартиру».— «Звенья», VIII, 1950, стр. 185.

8 А. К. Л е б е д е в. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1958 стр. 150.

1958, стр. 150. О трудностях, возникших в связи с напечатанием этого открытого письма, и о толках, им порожденных — см. в письме Стасова к брату от 13 сентября 1874 г.— В. В. Стасов. Письма к родным, т. І, ч. 2 (1862—1879). М., 1954, стр. 220—221.

10 И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, І, стр. 104.
11 Цитируем по автографу, хранящемуся в ГПБ; текст приводимого отрывка письма Тургенева дан неточно и с пропуском в статье: В. С т а с о в. Двадцать писем Тургенева.— «Северный вестник», 1888, № 10, стр. 170—171.
12 Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, ІІ. 1879—1883. М., 1951, стр. 96.

13 В. В. В е р е щ а г и н. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883, стр. 130.
 14 И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, І, стр. 91.

15 А. П. Ботки на. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М.,1951, стр. 135—141; В. П. Зилоти. В доме Третьякова. Нью-Йорк, 1954, стр. 139—140.

16 К—н К—в. Московский фельетон.— «Новое время», 1876, № 21, 20 марта. 17 «Московские заметки».— «Голос», 1876, № 76, 16 марта.

В залах Московского общества любителей художеств туркестанская коллекция Верещагина по-прежнему помещалась вплоть до 1881 г. И так как оно обещанного помещения не выстроило, Третьяков забрал ее и включил в состав своего будущего музея русского изобразительного искусства.

18 Й. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. М. — Л., 1945, стр.

А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве, стр. 213.

19 ПСП, стр. 303-304.

Это издание, в котором напечатано несколько писем Тургенева с упоминаниями о Верещагине, не отмечено в библиографии, составленной Г. К. Буровой (А. К. Л ебедев. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество, стр. 396).

²⁰ Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, II, стр. 116.

²¹ Вас. Ив. Немирович-Данченко. Художник на боевом поле. — «Художественный журнал», 1881, № 3, стр. 146. Восхищаясь бесстрашием Верещагина, тот же автор писал: «Ему часто приходилось смотреть в лицо смерти, причем не знаешь, что у него больше— таланта или мужества».—Вас. Ив. Немирович-Данченко. Год войны. (Дневник русского корреспондента). 1877—78, т. II. СПб., 1903, стр. 106; см. также: т. III, стр. 93.

22 В. Стасов. Письма из чужих краев. VI. Мастерская Верещагина.— «Но-

вое время», 1878, № 928, 28 сентября; ср. В. В. Стасов. Собр. соч. СПб., 1894, т. І, отд. 2, стб. 615.

23 Когда Сербия и Черногория объявили войну Турции, на театр военных дей-

ствий отправился добровольцем В. Д. Поленов, как участник сражений награжденный сербской медалью «За храбрость». Сообщая, что художник поехал в Сербию «с художественными целями, но как русский человек был увлечен событиями и попал в добровольцы, в конный отряд, действовавший под командой полковника Андреева», автор появившейся в январе 1877 г. заметки о Поленове далее писал: «Война, впрочем, не помешала ему вывезти из Сербии массу этюдов и красками и карандашом». Много работал там же и художник Н. Н. Каразин. Накануне начала военных действий побывали на Балканах К. Е. Маковский и М. О. Микешин, написавшие в 1876 и 1877 гг. несколько картин аллегорического и символического характера, возбуждавших симпатии русского общества к угнетенным славянам. Одновременно с Верещагиным на полях сражений во время русско-турецкой войны находились художники П. П. Соколов, П. О. Ковалевский, М. Е. Малышев, приезжал А. П. Боголюбов. После заключения мира места боев посетили выдающиеся мастера батальной живописи Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, А. Д. Кившенко и Б. П. Виллевальде, создавшие яркие произведения. И, наконец, несмотря на то, что Репину не удалось осуществить свою мечту и «побывать на войне», он все же откликнулся на нее творчески, создав цикл работ, отразивших знаменательные события, связанные с русско-турецкой кампанией. См.-И. С. З и л ь б е р ш т е й н. Репин в годы борьбы России за независимость славян. — «Художественное наследство. Репин», т. І. Ред. И. Э. Грабарь и И. С. Зильберштейн. М., 1948, стр. 385—428. ²⁴ «И. С. Тургенев». Сборник. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940, стр. 229.

²⁵ А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве, стр.

212; см. также: В. П. З и л о т и. В доме Третьякова, стр. 218.

26 В. Стасов. Письма из чужих краев. VI. Мастерская Верещагина.— «Новое время», 1878, № 926 и 928, 26 и 28 сентября; ср. В. В. Стасов. Собр. соч., т. І, отд. 2, стб. 602—615.

27 Письма И. С. Тургенева А. Н. Луканиной. Комментарии Е. М. Хмелевской.—

ЛА, т. IV, стр. 361.

28 В. В. В е р е щ а г и н. Очерки, наброски, воспоминания, стр. 130—131.—
В подзаголовке главы «И. С. Тургенев» Верещагин поставил даты «1879—1883», в то время как первая его встреча с писателем состоялась в 1878 г.

Шуточное сообщение Тургенева о генерале Скобелеве Верещагин привел в своих

воспоминаниях, напечатанных в «Русской старине», 1889, № 12, стр. 783.

²⁹ «Северный вестник», 1888, № 10, стр. 176.

30 Письмо Тургенева к Я. П. Полонскому от 23 ноября / 5 декабря 1876 г., Цитируем по автографу, хранящемуся в ИРЛИ; текст приводимого отрывка неточно напечатан в изд.: «Звенья», VIII, 1950, стр. 198.

81 Письмо Тургенева к А. В. Топорову от 7/19 апрели 1877 г. — ЛА, т. IV, стр. 254.

32 Письмо Тургенева к А. В. Топорову от 2/14 сентября 1877 г.— Там же, стр. 260. — Свои мысли в связи с «горестными известиями с театра войны» писатель высказал и в письме к Е. И. Апрелевой от 22 июля/3 августа 1877 г.: «...должен сказать, что давно не испытывал такой патриотической скорби; предчувствия, самые мрачные, меня терзают». — Е. Ардов (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе.— «Русские ведомости», 1904, № 22, 22 января.

33 Письмо Тургенева к Анненкову от 15/27 ноября 1878 г. Не издано. ЦГАЛИ.—

М. К. Клеман в «Летописи» (стр. 273) процитировал первые две фразы из приведенного отрывка о Верещагине. Почерпнув из этого источника те же две фразы, А. К. Лебедев («Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество», стр. 185) лишь на этом основании делает вывод: «В числе немногочисленных парижских знакомых художника, с которыми поддерживалась в это время дружба, был И. С. Тургенев, высоко, хотя и не без оговорок (обусловленных склонностью писателя к либерализму), ценивший искусство Верещагина». О дружбе Тургенева с Верещагиным в данном случае говорить еще преждевременно, так как эти слова Тургенева в письме к Анненкову написаны после первого знакомства писателя с художником. Кроме того, в этой оценке никаких признаков тургеневского либерализма найти нельзя. В солидной монографии А. К. Лебедева ничего другого о взаимоотношениях Верещагина и Тургенева нет.

34 Решив, что в письме Тургенева речь идет о верещагинской выставке, Анненков ответил 19 ноября/1 декабря 1878 г.: «Я очень вам благодарен за несколько строк о выставке Верещагина. Мне еще помнится из ташкентской его выставки картина голого мальчика, которого хозяин продает сластолюбивому сарту. Выражение этого старика и самого продавца, который жестом выражает, какие сокровища найдет он в телесах сего киргизенка — силы реальной, почти невыносимой. Таковы, вероятно, и

его булгарские эскизы» (не издано. ИРЛИ).

35 Письмо Верещагина к Тургеневу от 4 декабря (1878 г.) вместе с публикуемым ниже письмом Верещагина к Тургеневу от 29 ноября (1879 г.) были так указаны в книге А. Мазона на стр. 109: «два недатированных письма Верещагина к Тургеневу». Верещагин, как и Стасов, писал «индейского».

36 Из письма Репина к Крамскому от 19 февраля (н. с.) 1874 г.— И. Е. Репин и И. Н. Крамской. Переписка. 1873—1885. М.—Л., 1949, стр. 64.

37 И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев (гл. III. «Тургенев и художник Харламов»; гл. IV. «Спор Тургенева со Стасовым о Репине и Харламове»). 38 Письмо Крамского к Репину от 7 мая 1874 г.— И. Е. Репин и Й. Н. Крамской.

Переписка. 1873—1885, стр. 76.

³⁹ В. В. В е р е щ а г и н. Очерки, наброски, воспоминания, стр. 131. ⁴⁰ Выдержки из газет «Chelsea News» и «Daily Telegraph» приведены в статье В. В. Стасова «Еще о выставке Верещагина в Лондоне», появившейся без подписи в «Новом времени», 1879, № 1220, 23 июля; см. также В. В. С т а с о в. Собр. соч., т. II, отд. 3, стб. 455—456, 458—459.—Цитируемые нами выдержки из статей мы оставляем в переводах Стасова, хотя в них имеются стилистические шероховатости.

Первая статья Стасова «Выставка Верещагина в Лондоне» появилась тоже без подписи в той же газете и в том же году — № 1188, 21 июня (Собр. соч., т. II, отд. 3,

стб. 453--456).

Следует отметить, что в переводе на английский язык каталога этой выставки принимал участие приятель Тургенева — переводчик Вильям Рольстон.

41 ПСП, стр. 347.

42 В. В. В е р е щ а г и н. Очерки, наброски, воспоминания, стр. 131.
43 Письмо печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ. Впервые его текст был опубликован в работе Н. Л. Бродского «Заметки о Тургеневе».— В сб. «Тургенев и его время». Под ред. Н. Л. Бродского. М.—Пг., 1923, стр. 308.— Текст письма и перевод здесь неточны, имеются пропуски, адресат письма не определен, относительно даты сказано: «письмо, вероятно, относится к 1881 году», в то время как оно было написано 12 декабря (н. с.) 1879 года.

Еще в дореволюционные годы этот автограф приобрел А. А. Бахрушин, основатель Театрального музея; в 1935 г. был передан в Гос. Литературный музей (см. «Бюллетени Государственного Литературного музея. И. С. Тургенев. Рукописи, переписка и документы». Общ. ред. Влад. Бонч-Бруевича. М., 1935, стр. 134.— Здесь описание автографа помещено под рубрикой недатированных писем к неизвестным лицам). В 1941 г. все рукописные фонды Гос. Литературного музея — в том числе и бо гатый фонд по Тургеневу — поступили в ЦГАЛИ.

44 Ph. B. Le peintre russe Basile Vereschaguin. — «La République Française»,

1879, 29 décembre.

45 Тургенев дважды называет дату открытия выставки 15 декабря н. с. 1879 г. Но ее неофициальное открытие состоялось, по-видимому, в иятницу 12 декабря. Об этом говорится в заметке, помещенной в парижской газете «L'Estafette» и цитированной Стасовым: «В обществе и в артистических кружках много толкуют о выставке картин русского живописца г. Верещагина, имеющей открыться в пятницу в Cercle на улице Экс-Сент-Арно. Говорят, что эта выставка будет настоящим художественным открытием» (<В.В.Стасов>. Выставка Верещагина в Париже. Статья без подписи.—

«Новое время», 1879, № 1374, 24 декабря; Собр. соч., т.II, отд. 3, стб. 460). Лишь парижский корреспондент «Нового времени» писал, что выставка открылась 7/19 декабря (А. Молчанов. Выставка картин Верещагина.— «Новое время», 1879, № 1362, 12 декабря). Но так ли это было в действительности? Поэтому впредь до проверки по парижским газетам нет оснований, как это делают комментаторы переписки Верещагина и Стасова, называть день открытия выставки 7/19 декабря 1879 г. (т. II, стр. 199).

46 Цитируем по вырезке этой статьи, хранящейся в отделе рукописей ГПБ (архив Н. П. Собко, ед. хр. 310). См. также: (В. В. С тасов). Выставка Верещагина в Париже. — Собр. соч., т. II, отд. 3, стб. 463—464; здесь приводится несколько отрыв-ков из статьи Филибера Бребана, но его слова о Тургеневе не даны.

47 Соч. 1930, т. XII, стр. 681.

Эдмон Абу, редактор «Le XIXe Siècle», поместивший на страницах этой газеты открытые письма Тургенева, посвященные выставке Верещагина и переводу «Войны и мира» на французский язык, был в числе французских писателей и общественных деятелей, проводивших Тургенева в Париже в последний путь. Обращаясь к праху Тургенева, когда гроб с останками писателя из Парижа отправляли на родину, Эдмон Абу сказал: «Франция с гордостью усыновила бы вас, если бы вы того пожелали, но вы всегда оставались верным России, - и хорошо поступали, потому что тот, кто не любит своего отечества всецело, слепо, до глупости, останется всегда человеком только наполовину. Вы не были бы так популярны в стране, где ждут вас теперь, если бы не были хорошим патриотом. Я прочел в газете, что некто, из самой многочисленной и самой сильной касты — из касты глупцов, — сказал: "Я не знаю Тургенева: это — европеец, а я — русский купец". Этот простак поместил вас в слишком тесные пределы Европы. Ваше сердце принадлежало всему человечеству. Но Россия занимала первое место в ваших привязанностях, и ей-то прежде всего и больше всего служили вы» (Г.-К., стр. VI).

48 (В. В. Стасов). Выставка Верещагина в Париже. — «Новое время», 1879,

№ 1374, 24 декабря; Собр. соч., т. II, отд. 3, стб. 466—467.

49 Французский текст письма Тургенева к Бюрти приведен у Н.-К., стр. 291—292; русский перевод — Г.-К., стр. 330—331. Письмо это И. Д. Гальперину-Каминскому сообщил Жюль Кларти, который дал также описание этюда (Верещагин выполнил его для картины того же названия, ныне находящейся в Киевском музее русского искусства).

В конце 1880 г. Тургеневу удалось получить картину А. И. Куинджи «Ночь на Днепре» у ее владельца в. к. Константина Константиновича сроком на десять дней, чтобы показать ее парижанам — в галерее Зедельмейера. Статью об этой картине по просьбе Тургенева написал тот же Филипп Бюрти в той же газете «La République Française» (см. об этом письмо Тургенева к Д. В. Григоровичу от 25 января/6 февраля 1881 г.—«Неопубликованные письма И. С. Тургенева». Публижация Р. Б. Заборовой.—«Сборник Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салты-кова-Щедрина», вып. 3. Л., 1955, стр. 82).

50 Публикацию двух писем Тургенева к Жюлю Валлесу — см. в «Литературном критике», 1935, № 3, стр. 228—229. О Тургеневе Валлес упоминает в своих письмах,— Gaston Gille. Jules Vallès. Paris, 1941, p. 310.

Высказывание Валлеса о Верещагине приводит секретарь писателя т-те Севе-

рин в статье о художнике, напечатанной в парижском журнале «Gil Blas» в 1904 г. ⁵¹ Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, II. 1879—1883, стр. 68—69.— Когда редактор «Нового времени» А. С. Суворин выступил в газете со статьей «Еще снисходительный ответ, или разоблаченный Стасов» (1880, № 1464, 26 марта), в которой, в частности, утверждал, будто художник во время парижской выставки ходил с поклоном в редакцию журнала «L'Art», Верещагин 26 марта (с. с.) 1880 г. писал Стасову: «Что за негодяй Суворин. Представьте себе, что, несмотря на настояние Тургенева, утверждавшего, что иначе нельзя, я не был ни в одной редакции, и, между прочим, в "L'Art" также не был, а редактор этого журнала через одного из моих знакомых просил какого-нибудь рисунка. Автора статьи обо мне никогда не видал и не знаю» (там же, стр. 82).

52 Z***(Л. Н. Майков). Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в

С.-Петербурге, 4-го марта 1880 г.— «Русская старина», 1883, № 10, стр. 211. 58 Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, II, стр. 69—71, 75.

⁵⁴ Из заметки, напечатанной Стасовым без подписи, в отделе хроники «Нового времени», 1879, № 1376, 28 декабря.
 ⁵⁵ Х. Выставка картин Верещагина в Париже.— «Голос», 1880, № 24, 24 января

(перевод цитаты из статьи Кардона дается в исправленном виде).

⁵⁶ «L'Indépendance Belge», 1879, 4 декабря. — Неточно цит. в статье Стасова «Выставка Верещагина в Париже».— «Новое время», 1879, 24 декабря, № 1374; ср. его Собр. соч., т. II, отд. 3, стб. 461.

⁵⁷ А. Молчанов. Выставка картин Верещагина.— «Новое время», 1879,

№ 1362, 12 декабря.

⁵⁸ М и щ... Из Парижа.— «Московские ведомости», 1879, № 324, 20 декабря. ⁵⁹ X. Выставка картин Верещагина в Париже. — «Голос», 1880, № 24, 24 января. 60 Борис Чивилев. Из Парижа.— «Правда» (Одесса), 1880, №№ 1 и 11 и 13 января. — Его «Отрывочные воспоминания о Тургеневе» напечатаны в «Рус-

ких ведомостях», 1883, №№ 270, 279 и 280, 2, 11 и 12 октября (за подписью: Ч. Б.).

61 ⟨В. В. С т а с о в⟩. Конец выставки Верещагина в Париже.— «Новое время»,
1880, № 1393, 14 января (Собр. соч., т. II, отд. 3, стб. 472).—Первая статья появилась там же; 1879, № 1374, 24 декабря (Собр. соч., т. II, отд. 3, стб. 459—470). Той же теме Стасов посвятил заметку в «Новом времени», 1879, № 1376, 28 декабря.

Фамилию писателя и критика Жюля Кларти (Claretie) Стасов, как и другие его

современники, транскрибировал «Клареси».

62 «Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи». СПб.

1905, стр. 403—404.

83 Письмо А. П. Боголюбова к наследнику Александру Александровичу из Па4870 р. Но медано — ПГАОР. ф. 677 (Александра III), рижа от 23 декабря (н. с.) 1879 г. Не издано. — ЦГАОР, ф. 677 (Александра III), ед. хр. 712, л. 32.

64 Письмо наследника Александра Александровича к Боголюбову из Петербурга

от 21 декабря (с. с.) 1879 г.—ЦГАЛИ, ф. 705 (Боголюбова), оп. 1, ед. хр. 4.

Напечатанное в усеченном виде в «Старине и новизне» (1900, кн. III, стр. 13) письмо это так и цитировалось в наши дни (см., например, в книге А. К. Лебедева «Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество», стр. 207; здесь также сказано: «наследник, ознакомившись с каталогом лондонской или парижской выставки...»; письмо Боголюбова свидетельствует, что речь идет о каталоге парижской выставки).

Верещагин в полной мере чувствовал отношение к нему членов императорского дома. Когда незадолго до открытия первой парижской выставки Верещагина приехавший в Париж наследник выразил желание побывать в его мастерской, художник нашел в себе мужество ответить отказом: «Наследник, за бытность здесь, хотел ко мне при-ехать,— писал Верещагин Стасову 11 ноября (н. с.) 1879 г. — Но я просил Кумани, известившего меня об этом, не трудиться, ибо я не желаю показывать ему мои работы, точно так же, как он не пожелал видеть мою картину, ему, как помню, представленную. У Владимира Александровича (великого князя, президента Академии художеств) я также не был, и он ко мне не пожаловал; стороною я слышал, что его высочество крепко ругал меня за *невозможные* сюжеты <...> Николай Николаевич <великий князь), бывший у меня два раза, сомневался, поймут ли в России такие картины, как "Наши победители" и "Наши побежденные", а также "На Шипке все спокойно". Стороною слышал, что он, хваля мои работы, высмотрел в них тенденцию — еще бы! Все это — и злоба Владимира и мнение Николая — похожи, как представителей самого ярого консерватизма; показывают, что я стою на здравой, нелицемерной дороге, которая поймется и оценится в России».

Когда же Александр III стал царем, Верещагин писал Стасову: «Не только в России, но и в Австрии и в Пруссии признали революционное направление моих военных сцен. Ладно же, пусть пишут не революционеры, а я, нигилист, посмотрю, а, может, и посмеюсь в кулак. Нигилистом, вы знаете, признала меня вся наша императорская фамилия с нынешним императором во главе» (письмо из Maisons Laffitte or 17/29 anneля 1882 г.). Несколько месяцев спустя Верещагин в письме из Индии снова вспомнил Александра III: «Не дикая ли это вещь, что до сих пор к (моему) писанию относятся так враждебно и подозрительно. В Индии меня считают (большинство) за агента русского правительства, а русское правительство, в особенности сам (Александр III) считают меня за агента революционеров и поджигателей, недостает только, чтобы заподозрили во мне английского шпиона, несмотря на мою национальность. Кабы не наш белый террор, с каким бы удовольствием покатил я по России, сколько планов составил, но вижу, что теперь это немыслимо» (письмо из Агры, от 15/27 ноября 1882 г.).— Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, II, стр. 66, 116 и 139.

⁶⁵ Z *** (Л. Н. Майков). Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе...,

66 Письмо Тургенева к Крамскому от 6/18 декабря 1882 г.— ПСП, стр. 525—526. 67 Z*** (Л. Н. М айков). Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе..., стр. 210.

68 Письмо Тургенева к А. Н. Островскому от 6 июня 1874 г.— «Неизданные письма к А. Н. Островскому». М.—Л., 1932, стр. 591.— Тургенев пишет, что рекомендовал Дюрану перевести «Грозу» «как более доступную и понятную французам», а затем они вдвоем «тщательно» прошли перевод; Тургенев «все ошибки выправил» и

просил разрешения напечатать перевод, а также «отдать, если можно, на сцену».

69 Об огромной работе, проделанной Тургеневым для популяризации русской литературы за рубежом, см.: М. П. Алексеев. И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе.— Институт литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Труды Отдела новой русской литературы, І. Л., 1948, стр. 39—81.

70 Из писем от октября—ноября 1881 г.— Переписка В. В. Верещагина и

В. В. Стасова, II, стр. 88-89.

71 Эту цифру приводит Стасов в статье «Василий Васильевич Верещагин», написанной в 1882 г. и напечатанной в «Вестнике изящных искусств», 1883, №№ 1 и 2; Собр. соч., т. II, отд. 4, стб. 330.

72 «Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма...», стр. 442—443.

73 Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, II, стр. 91 и 93.

74 В письме к Полонскому из Парижа от 15/27 февраля 1882 г. Тургенев упоминает Верещагина: «Письмо Верещагина отправил по здешнему его адресу: он живет в Maisons Laffitte, около Парижа; но так как он очень тщательно прячется, то, господь ведает, дойдет ли это письмо до него».—ПСП, стр. 377; очевидно, в автографе (хранится в ГПБ) описка и надо читать: «Верещагину». О чем здесь говорится—не известно, так как письмо Полонского, на которое отвечает Тургенев, не сохранилось.

75 Об отношениях Тургенева и Циона свидетельствует статья, появившаяся в «Gaulois» 11 февраля 1882 г., в которой сообщалось о связях писателя с революционной эмиграцией. После этого Тургенев выступил с открытым письмом; Цион был вынужден его через день напечатать (Соч. 1930, т. XII, стр. 407—408 и 681—684).

76 Французский текст письма Тургенева к Золя приведен у Н.-К., стр. 261; русский перевод— Г.-К., стр. 301—302.

77 Переписка В. В. Верещатина и В. В. Стасова, II, стр. 99—100.

Стасов выполнил просьбу Верещагина. После того как в «Новом времени» (1881, № 2088, 19 декабря) появилась заметка, в которой инцидент на выставке излагался не совсем верно, Стасов выступил 20 декабря в газете «Порядок» (№ 350) со справкой.

⁷⁸ Об этом идет речь в заметке, напечатанной в газете «Порядок» (1882, № 2, 3 января). Здесь сообщалось, что когда выставка Верещагина в залах редакции «Gaulois» закрылась и художник хотел перевезти картины в другое помещение, то редакция потребовала 2000 франков в возмещение понесенных расходов. Верещагин от уплаты отказался на том основании, что вход на выставку был бесплатный.

79 Цитируем по автографу, хранящемуся в ИРЛИ; в ПСП (стр. 394) этот отрывок

был напечатан с пропуском.

80 В. В. Стасов. Василий Васильевич Верещагин.— «Вестник изящных искусств», 1883, № 2, стр. 277—278; Собр. соч., т. II, отд. 4, стб. 330.

81 А.В. Жиркевич. Встречи с Репиным. (Страницы из дневника 1887—1902 гг.).— «Художественное наследство. Репин», т. II. М., 1949, стр. 136.

⁸² В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания, стр. 131.
 ⁸³ П. Д. Боборыкин. Тургеневские мотивы.— «Русское слово», 1908, № 33,

9 февраля.

Не лишена оснований мысль Боборыкина о том, что в письмах Верещагина могут быть различного рода сведения о его встречах и беседах с Тургеневым, о домашнем окружении писателя. В частности, остаются почти неизданными письма Верещагина к зарубежным корреспондентам, общим друзьям и знакомым его и Тургенева, а именно в этих письмах могла идти речь о писателе. В недавнее время за рубежом появились две связки писем Верещагина, в которых имелись упоминания о Тургеневе. Одну из них составили тринадцать писем художника к Людвигу Пичу за 1881—1896 гг.. они были проданы одновременно со ста двадцатью письмами Тургенева к тому же адресату на состоявшемся 15 июня 1957 г. аукционе в известной лондонской антикварной фирме Sotheby & С° (см. «Catalogue of Valuable Printed Books Fine Bindings, Autograph Letters and Historical Documents... 1957», стр. 70—72). Другая связка из двадцати писем Верещагина к французскому корреспонденту экспонировалась на распродаже 6 и 7 ноября 1962 г. в Окуга Прио в Положе Страна Стран 6 и 7 ноября 1962 г. в Отеле Друо в Париже. Судя по аннотации, напечатанной в каталоге этого аукциона автографов («Autographes anciens et modernes. Vente à l'Hôtel Drouot, salle n. 10, Les Mardi 6 et Mercredi 7 Novembre 1962», стр. 53), в письмах Верещагина имеются упоминания о Тургеневе, Золя, Гамбетте, Ционе. Куда поступила каждая из двух связок писем Верещагина, нам, к сожалению, установить не удалось.

84 Vassili Vereschagin. Souvenirs.— Enfance.— Voyages.— Guerre. Paris, 1883, рр. 424—425.— В русском издании этот отрывок должен был быть на стр. 133,

третьим абзацем (после слов «хотя не спорил»).

 ⁸⁵ В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания, стр. 131.
 ⁸⁶ Vassili Vereschagin. Souvenirs.— Enfance.— Voyages.—Guerre, p. 421. ⁸⁷ Письмо Тургенева к Анненкову от 13/25 ноября 1879 г. Не издано. — ЦГАЛИ.
 ⁸⁸ Детство и отрочество художника В. В. Верешагина. М., 1895, т. І, стр.150—151.

Об этой же встрече Верещагина с доктором Ланге у Тургенева рассказывает и Яков Аренберг в книге «Люди, которых я знал», вышедшей на шведском языке в Гельсингфорсе в 1904 г. (Jac. Ahrenberg. Människorsom jag känt, I, стр. 71—72). Повидимому, он не был свидетелем этой сцены, а использовал сообщение Верещагина.

89 «Й. С. Тургенев». Сборник. М., 1940, стр. 17.

90 П. Сергеенко. Встречи с В. В. Верещагиным.—«Русские ведомости», 1914, № 77, 3 апреля.—Исследователям творческой биографии художника эти воспоминания остались неизвестными, — они не упомянуты, в частности, в библиографии, составленной Г. К. Буровой (А. К. Лебедев. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество, стр. 409).

91 А. А. Виницкая. Из приключений в Париже.— «Исторический вестник»,

1912, № 1, crp. 119.

92 Переписка В. В. Верещагина и П. М. Третьякова. 1874—1898. М., 1963, стр. 59.

 ⁹³ «Новости и Биржевая газета», первое изд., 1883, № 165, 15 сентября.
 ⁹⁴ А. В. Верещагин. Новые рассказы (1855—1895). СПб., 1900, ч. II, стр. 188—189.— Здесь же на 203 стр. имеется сообщение о том, что редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич платил Тургеневу 200 р. за лист.

95 В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания, стр. 132—133.

⁹⁶ Там же, стр. 131—132.

⁹⁷ И. Я. Павловский, который был свидетелем встречи Тургенева с П. С. Поливановым, когда тот рассказал писателю свою жизнь, сообщает о зарождении сюжета этого неосуществленного романа: «— Вот, г. литератор,— обратился ко мне Иван Сергеевич, когда П. ушел, — великая тема для романа. Никто никогда не брался ни за что подобное. <...> Роман представляется мне в следующем виде. Молодой человек, русский, образованный и очень смелых передовых идей, приезжает в Париж, где знакомится с русской женщиной, которая замужем за французом. Муж ее — радикал, деятельно занимается политикой, человек на виду, на него возлагаются надежды людьми его партии. Одним словом — талантливый и передовой француз. Происхождения он низмего, имеет старика-отца, состоятельного крестьянина, который не жалел последних грошей, чтобы сделать из своего сына monsieur, и мать, грубую, невежественную женщину, которая души не чает в своем сыне. Оба смотрят на него, как на честь семьи, на знаменитость. Невестку они не любят, они не прочь были, чтобы сын женился на princesse russe, потому что ее капиталы соблазняют мужицкую алчность; но все-таки они не любят ее за то, что она не француженка. Либеральный муж совершенно так, как в случае с П., тоже оказывается человеком узким и недалеким в семейной жизни. Тут сто тысяч мелочных сцен, показывающих неумение француза возвыситься до широких, гуманных идеалов своей супруги. Он живет обыденной жизнью, политикой дня, этими бурями в стакане воды. Как и в случае с П., являются на сцену ревность без всякой причины, мелочность, грубые требования, дрязги, и все должно кончиться любовью жены его к своему соотечественнику».—И. Павловский». Воспоминания об И. С. Тургеневе. (Из записок литератора). — «Русский курьер», 1884, № 150, 2 июня.

Об этом ненаписанном романе Тургенева — см. также Н. Л. Бродский. Замыслы И. С. Тургенева. Материалы к истории его художественного творчества. М., 1917, стр. 26—33; Б. М. Эйхенбаум. «Комментарии к сообщениям о неосуществленных произведениях Тургенева».— Соч. 1930, т. XI, стр. 677.

98 ПСП, стр. 390.

99 В. В. В е рещагин. Очерки, наброски, воспоминания, стр. 129 (см. также стр. 293 настоящей книги).

100 Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, II, стр. 119.

101 В. В ерещагин. Очерки, наброски, воспоминания, стр. 133 и 135.

¹⁰² Там же, стр. 135 и 136.

¹⁰³ Там же<u>,</u> стр. 138.

104 Рич. Предсмертные часы И. С. Тургенева.— «Новое время», 1883, № 2699, 3 сентября.

106 «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. IV. И. С. Тургенев». М.—Л., 1958, стр. 115.

107 В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания, стр. 127. ¹⁰⁸ Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, II, стр. 141.

109 В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания, стр. 127—128.

М. А. Антонович в статье «Асмодей нашего времени» («Современник», 1862, № 3) резкой форме отрицал художественные достоинства романа «Отцы и дети» и обвинял писателя в клевете на молодое поколение.

¹¹⁰ Письмо Стасова от 26 января 1877 г. — Переписка В. В. Верещагина и

В. В. Стасова, І, стр. 153.

111 И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев (гл. V. «Расхождение Тургенева и Стасова по вопросам эстетики»; гл. VIII. «Отношение Репина к творчеству Тургенева»).

112 Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, І, стр. 40-41.

¹¹³ Там же, стр. 155. 114 Там же, II, стр. 22.

115 В. В. Верещагин. Очерки, наброски, восноминания, стр. 128.

116 Там же, стр. 132.

117 Там же, стр. 133 и 134.

 118 А. В. Жиркевич. Василий Васильевич Верещагин. По личным воспоминаниям.— «Вестник Европы», 1908, № 5, стр. 163.
 119 А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. — Сб. «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М. —Л., 1927, стр. 70—71. В библиографии по Верещагину, составленной Г. К. Буровой, отсутствует указание на это свидетельство (А. К. Лебедев. Василий Васильевич Веретагин. Жизнь и творчество, стр. 409).

L'EXPOSITION DU PEINTRE B.* VÉRÉSCHAGUINE

L'Illustre écrivain russe M. Ivan Tourguéneff nous fait l'honneur de nous adresser la lettre suivante:

Lundi, 15 décembre 1879

Monsieur et cher confrère,

Le peintre B. Véréschaguine, mon ami et compatriote, va exposer, au cercle de la rue Volney (c. d. Saint-Arnaud), un assez grand nombre de tableaux et études dont le sujet est pris à l'Inde et à la dernière guerre des Balkhans. Il a longuement visité ces pays et a pris lui-même une part considérable à la lutte dans l'Asie centrale et la Turquie, où il a été blessé. Je ne doute pas que le public parisien ne fasse un accueil bienveillant à notre jeune maître, dont le talent original et puissant a été constaté par

des autorités plus compétentes que la mienne.

Le cachet particulier de ce talent est une recherche opiniâtre de la vérité, de la physionomie, du type dans la nature et dans l'homme, qu'il rend avec une grande justesse et une force quelquefois un peu rude, mais toujours sincère et grandiose. Cette tendance au vrai, au caractéristique, qui depuis notre grand écrivain Gogol, a posé son empreinte sur toutes les productions de la littérature russe, se manifeste également dans l'art russe sous le pinceau de Véréschaguine. Sans compter ses tableaux indiens, qui ont été exposés cette année à Londres et qui y ont fait sensation, j'ai eu la bonne fortune de voir dans l'atelier de mon compatriote quelques tableaux nouvellement peints par lui, et dont le sujet se rapporte à la dernière guerre. Ce sont des scènes militaires, mais pas prises dans le sens chauvin. Véréschaguine ne pense pas à poétiser l'armée russe, à lui raconter sa gloire, mais à rendre tous les côtés de la guerre, les pathétiques, les grotesques et les terribles aussi bien que les autres, les psychologiques surtout, objet de sa constante préoccupation. Ajoutez à cela un coloris énergique, un dessin à la fois naïf et correct, et vous ne trouverez pas mes éloges exagérés. Il y a telle figure de soldat russe qui est un chef-d'œuvre d'observation exacte et profonde.

Véréschaguine est certainement le peintre le plus original que le Russie ait encore produit, et rien qu'à ce titre, il mérite d'attirer l'attention du public parisien. Je me compterais heureux si ces quelques paroles pouvaient

y contribuer.

Agréez, Monsieur et cher confrère, l'expression de mes sentiments dévoués.

Ivan Tourguéneff

Перевод:

ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКА В. ВЕРЕЩАГИНА **

. Известный русский писатель г. Иван Тургенев оказал нам честь, прислав следующее письмо:

Понедельник, 15 декабря 1879

Милостивый государь и дорогой собрат,

Художник В. Верещагин, мой друг и соотечественник, намерен выставить в клубе на улице Вольне (бывш. Сент-Арно) довольно большое число картин и этюдов, сюжетом для которых послужили Индия и последняя война на Балканах. Он длительное время провел в этих странам

 ^{*} Имя Верещагина — Василий — по-французски Базиль.
 ** Перевод с французского М. Г. А ш у к и н о й.

и сам неоднократно участвовал в боях в Средней Азии и в Турции, где был ранен. Я не сомневаюсь, что парижская публика окажет благосклонный прием нашему молодому мастеру, чей самобытный и могучий талант был признан более авторитетными и компетентными лицами, нежели я.

Особенностью этого таланта является упорное искание правды, физиономии, типического в природе и в человеке, которое он передает с большой верностью и силой, порой несколько суровой, но всегда искренней и величественной. Это стремление к правде, к характерному, наложившее, со времени нашего великого писателя Гоголя, свой отпечаток на все произведения русской литературы, проявляется также, под кистью Верещагина, и в русском искусстве. Помимо его индийских картин, которые в этом году были выставлены в Лондоне и произвели там сенсацию, мне посчастливилось видеть в мастерской моего соотечественника несколько вещей, недавно им написанных, сюжет которых относится к последней войне. Это военные сцены, лишенные, однако, всякого шовинистического духа. Верещагин не думает поэтизировать русскую армию, рассказывать о ее славе, а стремится показать все стороны войны: патетическую, уродливую, страшную, равно как и другие, в особенности же психологическую сторону, предмет его постоянного внимания. Добавьте к этому энергичный колорит, рисунок, одновременно простой и точный, и вы не сочтете мои похвалы преувеличенными. Фигуры некоторых русских солдат являются шедеврами по верности и глубине наблюдения.

Верещагин несомненно самый своеобразный художник из всех, которых произвела Россия, и уже по одному этому он заслуживает внимания парижской публики. Я почел бы себя счастливым, если бы настоящие строки могли этому способствовать.

Примите, милостивый государь и дорогой собрат, уверение в совершенной моей преданности.

Иван Тургенев